

Блак, П. Незданные стихотворения 1897-1919 л. 192

А. БЛОК

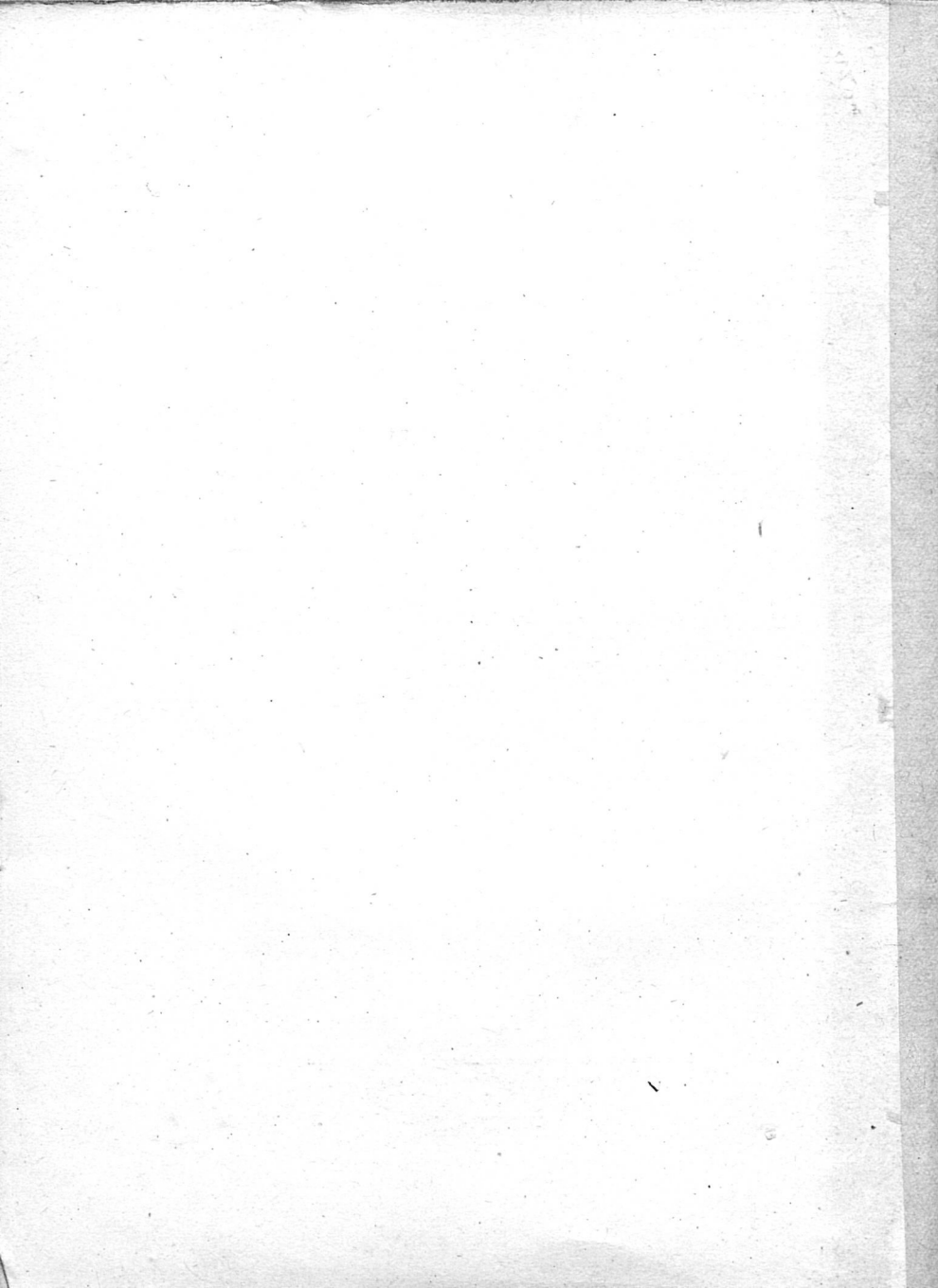
**НЕИЗДАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ
1897-1919**

„ЖИЗНЬ ИСКУССТВА“

ЛЕНИНГРАД

1926

Иудею и Самарю
и Персию и Вавилоню
и Сирию
и составиша.

22. 5. 926.
Р.С.

1937и
147

А. БЛОК

НЕИЗДАНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1897—1919 г.

РЕДАКЦИЯ и ПРИМЕЧАНИЯ

П. Н. МЕДВЕДЕВА

„ЖИЗНЬ ИСКУССТВА“

ЛЕНИНГРАД

1926

57309

Ленинградский Гублит № 10901.
11 л. Отпеч. 3000 экз.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1897 — 1919 Г. Г.

1897 год.

Ночь на землю сошла. Мы с тобою одни.
Тихо плещется озеро, полное сна.
Сквозь деревья блестят городские огни,
В темном небе роскошная светит луна.
В сердце нашем огонь, в душах наших весна.
Где то скрипка рыдает в ночной тишине,
Тихо плещется озеро, полное сна,
Отражаются звезды в его глубине.
Дремлет парк одинокий, луной озарен,
Льется скрипки рыдающий жалобный зов.
Воздух весь ароматом любви напоен,
Ароматом незримых волшебных цветов.
В темной бездне плывет одиноко луна.
Нам с тобой хорошо. Мы с тобою одни.
Тихо плещется озеро, полное сна.
Сквозь деревья блестят городские огни.

31 октября.

1898 год.

Рожь вокруг волновалась....
и шелест стеблей
Заглушал ушительный звук их речей....
Ночь спускалась, и отблески дальних зарниц
Зажигали огонь из под темных ресниц...
И почной ветерок пробежал среди ржи,
По высоким колосьям и травам межп...
.....
А на высях небес, за туманной горой
Прокатился и замер удар громовой.....
.....
И никто не слышал, как, пред бурей ночной,
Прозвучал поделуи....
И с пылающих губ
Незабвенное слово слетело.....

29 января.

✓ Боже, как жизнь молодая ужасна,
Как упонательно дышет она,
Борько в ней счастья и горя напрасно
Борются в страшных конвульсиях сна!
Смерти зовешь и бессильной рукою
Тщетно пытаешься жизнь перервать,
Тщетно желаешь покончить с собою,
Смерти искать, желаний искать....
Пусть-же скорее мгла темной ночи
Скроет желанья, дела и разврат,
О, как горят прекрасные очи, —
Смерти не рад, жизни не рад.
Страшную жизнь забудем, подруга,
Грудь твою страстно колышет любовь,
О, успокойся в объятиях друга,
Страсть разжигает холодную кровь.
Наши уста в поцелуях сольются,
Буду дышать поцелуем твоим,
Боже, как скоро часы пронесутся...
Боже, какую я страстью томим!...

Март.

—
* * *

✓ Ты всегда и всюду странно
Очаровываешь взоры.
Я люблю твой взгляд туманный,
Я люблю твои узоры...
Голос твой звучит порывом,
То насмешливо и звонко,
То волшебным переливом,
Будто детский смех ребенка.

А, когда опустишь очи,
Близость сердца сердцем чую,
Я готов во мраке ночи
Умереть от поцелуя...

Март.

ЭТЮД.

Прощайте. Дайте руку вашу...
Не нужно, нет! К чему опять
Переполнять страданьем чашу,
Страданьем сердце растравлять?..
Довольно Вашими лучами
Питались нежные мечты...
Сегодня, разлучаясь с Вами,
Я не скажу Вам больше: «Ты»!
Не плачьте! Видеть не хочу я,
Как Вы рыдаете... О чем
Вам плакать?.. Боже! не могу я,
Моя душа полна огнем!...
Ну, уходите.... полно.... полно....
Я плачу.... Дай, к своей груди
Тебя прижму, мой враг безмолвный!!...
Вот так..... Прощай!.... Теперь.. иди.....

Март.

С. И. Левинской.

Когда нибудь, нескоро, Вас я встречу....
Быть может жизнь откроет звездный путь....
Простите мне.... Под звуки Вашей речи
Я мог душой и сердцем отдохнуть....

Молчанье — все.... К чему слова пустые?
Спрошу одно: зачем Вам жизнь дана?
Чтоб вечно мчались песни неземные,
Чтоб в каждом сердце гасла тишина.....

Март.

* *
* *

В жаркой пляске вакханалии
Позабудь свою любовь,
Пусть, не ведая печалей,
В смутном сердце плещет кровь.
Опочий с вакханкой резвой,
Пусть уснет ее тимпан,
И никто не встанет трезвый,
Пусть от страсти каждый пьян!
После удали и пляски
Ты прильнешь к ее груди,
Упоенный сладкой сказкой
Скажешь утру: «Погоди!»
Пусть луна бросает тени
На ее младую грудь,
Обними ее колени,
Жизнь холодную забудь!
Покрывая жгучей лаской
Стан вакханки молодой,
Упивайся старой сказкой
О любви, всегда живой!

Март.

ПОЭМА.

Старый розовый куст, колючий, пыльный, без листьев
Грустно качал головой у подножья высокой бойницы.
Роза последняя пышно цвела вчера еще утром,
Рыцарь розу сорвал, но сорвал ее не для милой.

Листья ветер разнес и носит их по оврагу,
Лишь остались шипы, и бедные прутья со злобой
В окна бойницы ползут, но тщетно ищут добычи.
Бедный рыцарь! Он плачет горько на башне высокой,
Слезы рошает одну за другой, и катятся крупные слезы
Вдоль по старой стене на ветви страдающей розы....

* *
*

Сорван цветок. Она не вернется. Сердце разбито.
Меч заржавел, просится в бой на страшную сечу,
Кончено все. Счастье в могиле. В тоске безотчетной
Рыцарь плачет, и плачет бедный розовый куст.
Оба страдают. Один потерял свою розу,
Розу, алевшую в ярких лучах холодного утра....
Розу другую другой потерял; эта пышная роза
Ярко адела в лучах любви и безбрежного счастья....

* *
*

Так, тоскуя, томясь, они время свое проводили, ,
Ночь-ли спускалась, утро-ль свежело, день-ли
в сверканьи
Радостных красок всходил, или вечер бойницу
багрянил.
Замок заснул. Уснули они, в тяжелой дремоте.
Все было тихо. Лишь изредка камень срывался
С ветхой стены и, гремя, пропадал в глубоком
овраге....

* *
*

Раз, в прекрасное утро, когда любопытное солнце
Встало и, тихо скользя лучами по стенам высоким,
В розу ударило, — роза раскрылась: зеленых побегов
Сотни бегут по колючим ветвям все выше и выше....
Был один засохший цветок, никем непримеченный,
бледный,
Он раскрылся и весь засиял, и яркая роза
Рыцарю в окна дохнула своим ароматным дыханьем....

* * *

Рыцарь спал. На бледных ланитах играла улыбка:
Сон он видел чудесный: он слышал: чудные звуки
Стройно носились вокруг и мрак окутывал землю.
Образ чудный витал во мраке яркой звездой.
Звуки все расширялись, внезапно из тесного мира
Хлынули в душу ему, и разом в душе отозвались
Струны незримые. Тут мелодия дивная смокла,
Образ во мраке к нему подлетел, и с горячим
дыханьем
Губы коснулись ланит... и рыцарь проснулся.

* * *

Яркое утро вставало. Со свежим его ароматом
Несся другой аромат, и пыльная алая роза
Тихо кивала головкой в окно сквозь ржавые прутья
Старой решетки...

И бедный, жалкий страдалец
К розе прильнул и раскрытый цветок целовал
в упоении,
Полный счастья, надежды, любви и радости нежной....

Март.

Жизнь, как загадка, темна,
Жизнь, как могила, безмолвна,
Пусть же пробудят от сна
Страсти порывистой волны.
Страсть закипела в груди —
Горе людское забыто,
Нет ничего впереди,
Прошлое дымкой закрыто.

Только тогда тишина
Царствует в сердце холодном;
Жизнь, как загадка, темна,
Жизнь, как пустыня, бесплодна.
Будем-же страстью играть,
В ней утепенье от муки.
Полно, глупцы, простирать
К небу безмолвному руки.

Вашим умам не дано
Бога найти в поднебесной,
Вечно блуждать суждено
В сфере пустой и безвестной.
Если же в этой пустой
Жизни и есть наслажденья, —
Это не пошлый покой,
Это любви упоенье.

Будем-же страстью играть,
Пусть унесут ее волны....
Вечности вам не понять,
Жизнь, как могила, безмолвна.

22 апреля.

✓ Ты дышешь жизнью! О, как я к тебе влеком....
Меня манит к тебе желанье сладострастья....
Опомнись, милая, ужели не знаком
Тебе холодный свет без ласки и участия?...
В наш век скрывать должно желанья любви
Иначе и тебя, как остальных, осудят....
Опомнись, милая, пока в твоей крови
Огонь и страсть желаний не пробудят!...
Когда нибудь сойдемся мы с тобой...
Не скоро, может быть.... Я жду того мгновенья,
Когда не бросит камня свет пустой
За каждый счастья миг в минуту наслажденья.

Май.

Муза, в уборе весны молодой, постучала однажды
В двери поэта и, сумраком ночи стыдливо покрыта,
Жгла вдохновеньем уста и шептала неясные речи.
Струны забытые арфы сливались печальным аккордом
С шонотом падшего бога. Всю ночь трепетали от
страсти
Струны, слова и цветы, занесенные жалобным ветром
К ложу земного дара и посланницы гордого Неба.
С первой зарницей она отлетела... В созвучиях
скорбных
Думы поэта текут, и на темных кудрях человека
Желтая роза Олимпа, — останки величия бога.

Май.

Печальная блеклая роза
Качала головкой своей,
И сыпались горькие слезы
Из плачущих темных очей....

О чем же, печальная роза,
Ты плачешь во мраке ночей?
О том-ли, что вешние грезы
Умчались с зеленых ветвей?

Не плачь, моя блеклая роза,
Вернется назад соловей!...
Не плачь, отряхни эти слезы
С заплаканных темных очей...

Май.

✓ По темному саду брожу я в тоске,
Следа за вечерней зарею,
И мыслю об ясном моем огоньке,
Что путь озарял мне порою.

Теперь он угас навсегда и во мгле
Туманной, таинственной скрылся,
Оставив лишь память о строгом челе,
Где страсти восторг притаился.
Он, помню я, светил в морозной ночи,
Средь шумного города светил....
Не знал я, несчастный, что так горячи
Объятия, — и ей не ответил....
Она, распаленная страсти огнем,
Мне сердце расплавить хотела
И жгла меня ночью, светила мне днем,
Любовным желаньем кипела!
Но мыслью холодной я ум полонил
И, только минутами, жарко
Я верил, я жаждал, — так страстно любил,
И страсть загоралась так ярко!...

.....
По темному саду брожу я в тоске,
Следя за вечерней зарею,
И мыслью об ясном моем огоньке,
Что путь озарял мне порою....
.....

Июнь.
Шахматово.

РОЗА И СОЛОВЕЙ.

Блеклая роза печально дышала,
Солнца багровым закатом любуясь,
Двигалось солнце, — она трепетала,
В темном предчувствии страстно волнуясь.
Сумерки быстро на землю спустились,
Мрак непроглядный шел следом за ними,
Трепетно розы листья шевелились,
Страстно следя за тенями ночными.

Роза шептала: — «О, милый, найдешь-ли
Темною ночью любовь и подругу?
Мраком покрытый, внезапно, придешь-ли
К темному, полному свежести лугу?»
Лились неясные грустные звуки,
Розы-ли стоны, ручья-ли журчанье?
Кто это знает? Исполнена муки,
Роза увяла в своем ожиданьи...
Утро роскошно проснулось над лугом,
Милый явился на страстные звуки...
Бедная, нежная сердцем подруга
К небу простерла колючие руки...
Тихо сказала: «Прости», угасая...
Свистнул в ответ соловей беспощадный,
Куст одинокий крылом задевая,
Дальше умчался, поклонников жадный...
.....
Видел потом я, как он, упоенный
Песню, шептался с другими цветами:
Розы качали головкой склоненной,
С песнью коварной сливаясь мечтами...

Июнь.

Скажи мне, Лигия, в каком краю далеком
Цветешь теперь под небом голубым?
Кто пал к твоим ногам, прельщенный дивным оком.
Как пламень от костра, как синеватый дым,
Он тщетно силится прильнуть к устам пурпурным.
На поцелуй лобзаньем отвечать,
Но вверх летит и в воздухе лазурном
Уста твои не может целовать...

И ты, коварная, надменной, строгой лаской
Закралась в душу мне и там зажгла огни.
Но пламень мой покрыт холодной маской,
Уста мои молчат и холодны они....

.....

Июль.
Шахматово.

Долго искал я во тьме лучезарного бога...
Не было сердцу ответа, душе молодой упования...
Тщетно вставали из мрака неясные, темные боги...
Вдруг просветлело в душе, вдалеке засверкали алмазы
Лучшие в темных коронах творений земных и
небесных,

Легкие три метеора среди безотрадной пустыни:
Яркой звездой показалась природа могучая в мраке.
Меньше, но ярче светило искусство святое;
Третья звезда небольшая загадочный свет проливала:
Женщиной люди зовут эту звезду на земле...
Этим богам поклоняюсь и верю, как только возможно
Верить, любить и молиться холодному сердцу...

Июль.
Трубицыно.

ДУМА.

Одинокó плыла по лазури луна,
Освещая тенистую даль,
И душа, непонятной тревогой полна,
Повлекла за любовью печаль.

.....

Ароматная роза кивала с окна,
Освещенная полно́й луной,
И печально, печально смотрела она
В освежающий сумрак почной...

На востоке проснулся алеющий день,
Но печальный и будто больной...
Одинокая, бледная, робкая тень
Промелькнула и скрылась за мной...

Я прошел под окно и, любовью горя,
Я безумные речи шептал...
Утро двигалось тихо, вставала заря,
Ветерок по деревьям порхал...

Ни призыва, ни звука, ни шопота слов
Не слышал я в ночной тишине,
Но в тенистом окошке звучала любовь...
Или, может быть, грезилось мне?...

О, безумный! зачем ты под старым окном
Ей, безумной, шептал в тишине,
Если ночь провела она в чувстве одном,
И в твоём опустевшем окне?!...

.....
Днем мы холодно встретились...

Пламень живой

Погасил этот пасмурный день...
Я не вспомнил про час одинокий ночной,
Про ее быстrokрылую тень...

Боблово, 27 июля, ночью.

Странно: мы шли одинокой тропюю,
В зелени леса терялись следы,
Шли, освещенные полной луною,
В час, порождающий страсти мечты.

Стана ее не коснулся рукою,
Губок ее поцелуем не сжег...
Все в ней сияло такой чистотою,
Взор же был темен и дивно глубок.

Лунные искры в нем гасли, мерцали,
Очи, как будто, любовью горя,
Бурною страстью зажечься желали
В час, когда гасла в тумане заря...

Странно: мы шли одинокой тропой,
В зелени леса терялся наш след;
Стана ее не коснулся рукою...
Страсть и любовь не звучали в ответ...

Лето.

ИДЕАЛ И СИРИУС.

Я долго странствовал по свету,
Я все увидел, все узнал,
Но, мглой туманною одета,
Ты мимо шла, мой идеал.

Я много понял звезд лучистых,
Одна лишь тайный свет лила,
Как лунный отблеск серебристый,
Была печальна и светла.

И долго вещи зеницы
Смотрели в сумрачный туман,
Где ярко - красные зарницы
Мрачили неба океан.

Теперь я понял тайну ночи,
Нашел Тебя, мой Идеал...
Твои лишь ныне блещут очи,
Как вечно Сириус сверкал!...

7 августа.
Дедово.

В море одна лишь волна — быстротечная.
В небе одна лишь звезда — бесконечная.
В мире одна лишь душа — вечная.

12 августа.

В моей душе больной и молчаливой
Сложилась песня чудная одна,
Она не блещет музыкой красивой,
Она туманна, сумрачна, бледна.
В ней нет напева, звук ее нестройный
Не может смертный голос передать,
Она полна печали беспокойной...
Ее начало трудно рассказать!..
Она одна сложилась из созвучий
Туманной юности и страждущей любви,
Ее напев чарующий, певучий
Зажег огни в бледнеющей крови.
И счастлив и несчастен бесконечно
Тот смертный, чью она волнует кровь,
Он вечно страдает, радуется вечно,
Как человек, как гений, как любовь!...

20 августа.

Цыгане шумною толпой
По Бессарабии кочуют...

Табор шел. Вверху сверкали звезды.
Кончил он тяжелый, трудный путь.
Кончил буйной прихоти наезды
И, усталый, жаждал отдохнуть.
Но в сердцах еще играла дико
Кровь, и темный лес гремел,
Пробужденный звоном, свистом, криком,
На веселье сумрачно глядел.

Так копчали буйные цыгане
Дикой, звонкой прихоти наезд...
В высоте, на темном океане
Меркли, гасли легионы звезд.

22 августа.

✓ Что будет в сердце, в мыслях и в уме,
Когда, любя таинственно и нежно,
Вампира ты увидишь в полутьме
С глазами, полными, как океан безбрежный?
Я вижу женщину. Она бросала страсть
Глазами чудными и страшными, как пламень.
Казалось, вся земли и неба власть
Таилась в них, — а сердце было камень.
Она смеялась смехом сатаны,
И этот смех отталкивал и жалил.
Глаза сверкали, радости полны,
И каждый в них хоть часть души оставил.
О, еслиб броситься и жадно обнимать,
И целовать, и выпить страсть вампира,
Потом убить, на части растерзать
И части сердца трепетно слагать
К ногам на миг забытого кумира!

30 сентября.
Петербург.

В почной тени, когда уснет тревога,
И бурный город скроется во тьме,
В моей душе гармонии так много,
Так много мыслей в замкнутом уме!...
Что буря жизни, если чудной розой
Ты зацвела, пылая и горя,
Что море бед и стынувшие слезы,
Когда опять взонкла моя зари!...

Одна любовь, одна, как нега ночи,
Горячий солнца свет иль старое вино,
Одни во тьме, как звезды, блещут очи,
И чувство полное, горячее одно!...
Тебе, царица мира и вселенной,
Царица ясная, лазурные мечты
И гимны дивные душе твоей нетленной
Слагаю, удалясь от бедной суеты!...

Сентябрь (?).

Мне сердце режет каждый звук.
О, еслиб кончились страданья,
О, еслиб я от этих мук
Ушел в страну воспоминанья!
Ничто пощады не дает,
Когда страдает дух родимый,
И пролетевший звук замрет
В душе тоскою нестерпимой!...

3 ноября.
Петербург.

...Где я страдал, где я любил
Где сердце я похорошил...
Офелия плела венки и пела.
Королева.

Есть в дикой роше, на краю оврага
Зеленый холм. Его лелеет тень,
И змейкой вокруг живительная влага
Ручья журчащего тревожит роши лещь.
Цветы и травы вечно покрывают
Зеленый холм, а солнце никогда
Сквозь чашу в темный дол не проникает,
И только льется звучная вода.

Сказать тебе, зачем цветы не вянут?
Зачем источник водный не иссяк?
Зачем туда заглядывать не станут
Любовники, когда сгустится мрак?
В могиле той лежат мои страданья,
Моя любовь, души моей мечты.
О, как их жгут порой воспоминанья
От каждого живого прикасанья
Корней цветов! О, сколько в них желанья!
Ведь то Офелии и травы и цветы...

3 ноября.
Петербург.

Я и без веры живой,
Мне и надежды не надо!
Дух мой тревожный, родной
Жизнь наделила отрадой.

Веры мне жизнь не дала,
Бога везде я искал,
Дума тревожно ждала,
Разум мятежно роптал.

Нет мне надежды нигде,
Горе предвижу и жду:
В чистой зеркальной воде
Чуждого ей не найду.

О, я храню, как покой,
Лучшую в мире отраду...
Я и без веры живой,
Мне и надежды не надо!

4 ноября.
Петербург.

Что из того, что на груди портрет
Любовницы, давно уже забытой,
Теперь ношу; ведь в сердце мысли нет
О том, что было — и во тьме сокрыто.
И мало-ль их, желающих найти
В сердцах чужих любовь и поклоненье,
По скользкому пути дерзающих идти,
Чтоб счастье брежжилось хотя одно мгновенье!
Нет, эта красота меня не привлечет;
При взгляде на нее, мне вспомнится другая:
Счастливое дитя, что молодость поет,
Прекрасное дитя, — Любовь моя родная.
И разве, посмотрев на вянувший цветок,
Не вспомнится другой, живой и ароматный,
Украшивший красавицы венки
В весенний день, под небом благодатным?

10 ноября.
Петербург.

НАБРОСОК.

Надо мной гроза гремела,
Ветер вокруг меня шумел,
Вся душа оледенела,
В сердце холод каменел...

Но внезапно нега счастья
Заменила рокот бурь...
Вместо шумного ненастья,
Надо мной Твоя лазурь.

27 ноября.
Петербург.

Моей красавице - дарице
Несу я юные стихи,
И сердца грустные страницы,
И дум неясные штрихи.

Вы — мой Кумир. Стихом и песней
Хочу Вам только передать,
Что для меня Вы всех прелестней,
И в Вас вся сердца благодать.
Как тихий Ангел к изголовью,
Склонились Вы к моим мечтам,
Но, как я к Вам горю любовью,
Не в силах передать стихам.
Простите мне за гимны эти:
Мне в них поведать суждено,
Что Вас одну люблю на свете,
Что Вам одной молюсь давно.

27 ноября.
Петербург.

Офелия в цветах, в причудливом уборе
Из майских роз и влажных нимф речных
На золотых кудрях, с безумием во зоре
Внимала звукам земных дум своих.
Ее дыханьем на смерть пораженный
Припал к устам, как раненый олень,
Прекрасный принц Гамлет, любовью ошня-
ненный,

Когда пред ним отца явилась тень.
Он вскрикнул и воскрес. Объяты чудной
девы

Покинул бедный он за мертвый взор отца,
И долго вслед затем лились ее напевы
В безумной голове живого мертвеца...
Я видел берег; ива молодая
Все плакала, над озером склонясь,
А девушка, венки свои сплетая,
Все пела про него, рыдая и смеясь.

Потом я видел: Гамлет над потоком
Смотрел, как струйки с шопотом несли
Угасшую в страдании глубоком
Туда, где нет ни горя, ни земли.

30 ноября.
Петербург.

ПЕСЕНКА.

Смеялась ты... Смеюся я!
Романс.

I.

Что, красавица, довольно ты царила,
Все цветы срывала на лугу,
Но души моей не победила,
И любить тебя я не могу!
Есть другой прекрасный образ в мире,
Не тебе теперь о нем узнать,
Буду петь, вверяясь грустной лире,
Буду сердцем о Любви рыдать...

II.

Хочешь дружбы, дружбы не приму я,
Хочешь с жизнью вечно враждовать,
Хочешь жить, о счастье тоскуя,
Но любви моей тебе не знать!
Ну страдай, разгадывай загадку,
Ну тоскуй, красавица моя,
Пусть о том воспоминашь сладко,
Чья любовь тогда была твоя!...

12 декабря.
Петербург.

Прощаясь с днем, последний луч заката
Бросал свой свет на поле сжатой ржи.
Сбиралась на покой, дремотою объята,
От зноя дня, трава густой межи.
Луна свой красный диск из рощи поднимала
А воздух, все полуднем раскален,
Дышал почной росой, и вместе с ним дышала
Природа, — лес и луг, от зноя утомлен.
Ни ветерка, ни крика вещей птицы,
Уснул закат, проснулся диск луны,
Открыв свои спокойные зеницы
Среди волшебной, сонной тишины.
Ты, вечер, тих и можешь успокоить,
Но столько чудного луна в себе таит,
Что хочется любить и сердца боль удвоить,
Все воскресив, что в сердце мирно спит!

13 декабря.
Петербург.

Писать-ли Вам, что тайный пламень
Горит в душе моей опять,
И сердце, прежде хладный камень,
Способно снова обожать?
К чему слова, слова и звуки,
Безароматные цветы,
Без слез страдания и муки,
Без вдохновения мечты?
Позвольте-ж мне, богиня света,
Сказать Вам то, что без конца
Таилось в сердце без ответа,
В душе сгорающей певца.

Восторгов пламенных не нужно,
Без них могу я сохранить
Души и сердца пламень южный
И счастье снова окрылить.

.....
Меня судьба к Тебе приносит,
К Твоим ногам всю жизни кровь
И у Тебя одно лишь просит:
Хранить в себе мою любовь...

23 декабря.
Петербург.

ПАМЯТИ А. А. ФЕТА.

«Выйдем тихонько бродить
В лунном сиянии...»

Фет.

Шепчутся тихие волны,
Шепчется берег с другим,
Месяц колышется полный,
Внемля лобзаньям ночным.

В небе, в траве и в воде
Слышно ночное шептание,
Тихо несется везде:
«Милый, приходи на свидание...»

Декабрь (?)

1899 год.

* * *

Весна несла свои дары,
Душа просилась на свободу,
Под зеленевшие шатры,
Разбив оковы, мчались воды.
Тогда свободный от сует,
Вдали от бездны зла земного,
Больной, изнеженный поэт
Услышал ласковое слово.
И долго в мучах естества
Поэт хранил воспоминанье
О райских звуках божества,
Его призвавшего к молчанью.
И гордо песни льются вновь,
Полны неведомых созвучий,
И новый бог его — Любовь —
Ему дарует стих могучий.
Но тайна вечно почит
На звуках песни и сонета,
И сила новая живет
В твореньях юного поэта.

13 января.
Петербург.

Не называй ее небесной
И у земли не отнимай!

Ночь все темней и благовонней,
Все громче свищут соловьи,
Все бесконечней, многотонней
Журчат незримые струи...

За старой липой покрывало
Мелькнуло, скрылось... Вот опять...
И в лунном свете побежала
Тропою тень ее порхать...

В такую ночь успел узнать я,
При звуках ночи и весны,
Прекрасной женщины объятья
В лучах безжизненной луны.

23 января.
Петербург.

Не презирайте, бога ради,
Меня за мысли и мечты,
Когда найдете их тетради
И пожелтевшие цветы.

Когда умру, прошу вас, дети,
Сложить к безжизненной груди
Останки жизни грустной эти
И с ними в гроб меня спести.

Когда-нибудь мои потомки,
Сажая вешние цветы,
Найдут в земле костей обломки
И песен желтые листы.

23 января.
Петербург.

Река несла по ветру льдины,
Была весна, и ветер выл,
Из потухавшего камина
Неясный сумрак ночи плыл.
Он был один, забытый миром,
Давно немой, давно один,
И с прежним блещущим кумиром
Прощался он, как блудный сын.
Его отвергли все и всюду,
И в одиночестве своем
Он видел только пепла груды
Над потухающим огнем...
Куда неслись его мечтанья,
Пред чем склонился бедный ум?
Он вспоминал свои прощанья,
Будя мученье прежних дум...
Из потухавшего камина
Неясный сумрак ночи плыл;
Река несла по ветру льдины,
Была весна, и ветер выл...

25 января.
Петербург.

Все настоящее ничтожно,
Серо, как этот серый день,
И сердцу рваться невозможно
Схватить мелькающую тень.

А тени будущего горя
Блуждают вокруг меня, вьясь,
И жизнь вокруг кишит, как море,
Из берегов своих стремясь.

Все настоящее ничтожно,
Сулит мне Зло грядущий день,
И я стремлюсь, когда возможно,
Ловить воспоминаний темень.

Воспоминанья жизни прежней,
Где вся душа моя цвела,
Где все немее, безнадежней
Встает грядущий призрак Зла!

26 января.
Петербург.

Ты хочешь знать мировоззренье,
Мятежных дней моих порыв?
Играй без тени сожаленья
На струнах лучших и святых!

Тогда любовь моя прорвется
И необузданной волной
В твой дух младенческий прольется,
Где прежде был один покой.

Сорвет в безжалостном стремленьи
Все бледноликие цветы,
Как ты рвала без сожаленья,
Моих сердечных струн четы!

28 января.
Петербург.

Поэт, тебе-ли покарать
Пороки мира вековые?
Один — ты осужден страдать,
Тебя осмеивать — другие!

3 февраля.

ЭТЮДЫ ПЕСЕН ОФЕЛИИ.

(Импровизация.)

Разлучаясь с девою милой,
Друг, ты клялся мне любить!..
Уезжая в край постылый,
Клятву данную хранить!..
Там, за Данией счастливой,
Берега твои во мгле...
Вал сердитый, говорливый
Моет слезы на скале...
Друг, ты клялся за морями
Все любить меня одну...
Шли мне с белыми волнами
Прежних радостей весну...

Друг, люби меня, твоею
Королевой буду я...
Горько мне с судьбой моею
Плакать вечно за тебя...
Милый воин не вернется,
Весь одетый в серебро...
В гробе тяжело всколыхнется
Бант и черное перо...

.....
Буду плакать над могилой, и умру с тобой...
Тяжко, милый! Душно, милый — нам в земле

сырой!...

Заклучу твой стан в объятия, чтоб согреть в моем
жару!...

Губы стану целовать я, — и с тобой умру!...

Я умру с тобой от горя, — вечным сном усну!

Шли мне, шли мне из-за моря — радостей весну!

8 февраля.
С.-Петербург.

ВОСПОМИНАНИЕ.

Ночной туман застал меня в дороге,
Смотрел сквозь чащу леса лунный лик...
Усталый конь храпел, дрожал в тревоге...
Спокойный днем, он к ночи не привык.
Вдали туман, луной осеребренный,
Застлал поля и реку скрыл из глаз,
И странен был недвижный, полусонный,
Угрюмый лес в туманный, поздний час...

.....
Я в поле был. Туман застлал равнину,
Луна серебрила церковь на холме....
Я знал теперь: за рощей, за долиной
Родной приют скрывается во тьме....
Усталый конь скакал быстрее к цели;
В чужом селе мерцали огоньки,
Кой-где, вдали дымились и горели
Костры пастушьи, — ночи маяки....

10 февраля
С.-Петербург.

In questa tomba obscura laschia
mi riposar...

В этой мрачной гробнице
О, дайте мне отдохнуть!
Милая роза — денница,
Приди о милом вздохнуть...

Февраль (?)

ДЕЛЬВИГУ.

Ты, Дельвиг, говоришь — минута вдохновенья,
Оно пройдет... А я тебе скажу:
Оно горит всю жизнь — и в упоеньи
Ловлю я день и мрак ночной бужу...

8 февраля.

ЭСКИЗ.

Глаза младенчески открыты,
Душа туманна и чиста.
Но сколько ран, глубоко скрытых,
Наносят юные уста!
Услышишь звук, — не чуешь раны,
И до разлуки усыплен....
А разлучишься, — из тумана
К тебе ползут со всех сторон!...

21 февраля
С. Петербург.

Всю ночь дышала злобой вьюга,
Сметая радость сердца прочь;
Моя желанная подруга,
Я чуял, гибла в эту ночь!
В тяжелом вихре сновидений
Ее душа сказала мне:
— Твой ясный дух, твой добрый гений
— В далекой гибнет стороне!
Я полетел на крыльях Рока...
В тоскливом мраке ветер выд,
Но путь к красавице далекой
Огонь сердечный озарил...

Я спас ее от злобной вьюги,
Крылами мощными укрыл,
Но близь покинутой подруги
Остался я, лишенный крыл...
С тех пор, бессильно пламенея,
Ночною вьюгой изнурен,
Слагаю гимны вместе с нею,
Одной любовью вдохновен!..

22 февраля
С. Петербург.

* * *

✓ Тогда мы вместе были, помню я...
И ночь лилась, и скрипка дивно пела...
И в эти дни ты вся была моя .
И с каждым днем все больше хорошела...
Тогда, сквозь тихое журчанье струй,
Сквозь тайную гармонию улыбки
Просился на уста греховный поделуй,
Просились в сердце звуки скрипки...

9 марта.

* * *

Счастливая пора, дни юности мятежной!
Умчалась ты, и тихо я грущу;
На новый океан, сердитый и безбрежный
Усталую ладью души моей спущу...
Ты мило мне, прошедшее родное,
Твоя печаль светла, а грусть твоя бледна...
Печаль и грусть в далекое былое
Ушли, душа усталая одна....

Не знаю, сколько бед сулит мне жизнь иная,
Не знаю, как широк сердитый океан...
Меня гнетет усталость роковая,
Глядится жизнь сквозь пасмурный туман...
И далее туман все необъятней,
Чем дальше рвусь, тем гуще мрак кругом...
О, наша жизнь, зачем ты непонятна!..
О, наша жизнь, ты вечно будешь сном!...

1 апреля.

* * *

Истомленный дыханьем весны,
Вдохновенья не в силах сдержать,
Распахнул я окно — с вышины
Над угасшею тенью рыдать...
Бедный голос средь ночи поет,
Будто прежняя милая тень
Встрепенулась, — и слезы песет,
И встречает угаснувший день!..
Кто-то шепчет под темным окном,
Чей-то образ из мрака восстал
И по воздуху реял крылом,
И невучим рыданьем дрожал....
Я почувал — опять
Суждено мне рыдать!
Для чего воскресать сновиденья?
Я захлопнул окно...
Мне рыдать суждено
Над угасшею милою тенью!...

10—11 апреля.
С. Петербург.

* * *

Помните день безотрадный и серый,
Лист пожелтевший во мраке зачах...
Все мне: Любовь и Надежда и Вера
В Ваших очах!

Помните лунную ночь голубую,
Шли мы, и песня звучала впотьмах...
Я схоронил эту песню живую
В Ваших очах!

Помните счастье: давно отлетело
Грустное счастье на быстрых крылах...
Только и жило оно, и горело
В Ваших очах!

21 апрель.
С. Петербург.

* * *

Моя душа — страна волшебных дум,
Потух огонь, — и думы отлетели,
Огонь горит — и с новой силой ум
Меня ведет к моей далекой цели....

22 апрель.

* * *

Порою мне любовь сулят
И нежно в очи мне глядят,
Порой грущу я одиноком,
Как вихрем сорванный листок,
Но с прежних дней красавиц власть
Тревожит в бедном сердце страсть!..

24 апрель.

* *
* *

Взлетая к вышням, орел покинул доли...
Там пажити внизу, и солнце их палит....
До слуха чуткого небесные глаголы
Доносит туч гряда, и он, внемля, парит...

28 апреля.

* *
* *

Усни, пока для новой жизни
Не воскресит тебя любовь,
И на моей печальной тризне
Тогда заплачешь горько вновь!
Твоим рыданиям внимая,
Мне будет сладко умирать....
И, к новой жизни улетаю,
С тобою буду я рыдать....

3 мая.

МОЛОДОСТЬ.

Воспоминанье жизни сонной
Меня влечет под сень аллей,
Где ночи сумрак благовонный
Тревожит милый соловей...
Туда, где мы молились жарко,
Где милый профиль, серый глаз
Зарница, вспыхивая ярко,
Мне выдавала всякий раз...
Туда, где мы, в года былые
Любили песни напевать
И эти песни молодые
Ночному небу поверять...

И нас тогда во мрак манило
Затем, что где-то, в небесах
И на земле безмолвной жило
Блаженство в звездах и цветах,
А каждой вспыхнувшей зарнице
Могли про тайны говорить
И эти тайны — небывиды
Самим подслушать... и любить!

8 мая.
С. Петербург.

* * *

Стоит-ли вечно томиться,
Можно-ль о прошлом вздыхать,
Только-б успеть насладиться,
Только-бы страстью пылать!
Вечною юною страстью,
Пламенем жарким кипеть,
Верить мгновенному счастью,
И о былом не жалеть!
Все, что прошло, то прекрасно,
Снова-ль вернется оно,
Нет-ли, — не плачьте напрасно, —
Сбудется, что суждено!..

11 мая.

* * *

Ты хочешь царствовать поныне,
Поэта дух воспламенить
И зноя полную пустыню
Росистой влагой освежать?

Но знай: все то, что в сердце было
Свежо, как вешние цветы,
Своей любовью иссушила
Младая дева красоты...
Ее язык — твой призывы,
Ее мечты — твои мечты,
Ее любовь — твои порывы,
И профиль твой — ее черты!...

14 мая.

Блаженно ты, бывшее время,
Младые трепетные сны,
Когда слагалось с сердца бремя,
Звучали песни старины...

22 мая.

* * *

Милая дева! Когда мы про тайны мирские
Будем слагать песнопенья, то полные звуков и вздохов
Речи — в любовь перейдут... Прилетит и Амур легко-
крылый,
Свяжет сердца и зажжет на устах поцелуй.

24 мая.

* * *

Musa, mihi causas memora!
Publius Vergilius Maro.

✓ Я помню вечер. Шли мы розно.
Тебе я сердце поверял,
На жарком небе туча — грозно
На нас дышала; ветер спал.
И с первым блеском молнии яркой,
С ударом первым громовым
Ты мне в любви призналась жаркой,
А я... упал к ногам твоим...

24 мая.

Памяти Пушкина.

Люблю я вечер. День на гризне, —
И ум работает смелей,
И дух летит от смрадной жизни
В страну подвластных мне теней.
Там, — только там, — и сердце бьется,
И дух поэзии родной
Во мне живет, — и песня льется
Неразлученная с душой.
Сама судьба мне завещала —
С благоговением святым
Светить в преддверьях Идеала
Туманным факелом моим.
И только вечер, — до благого
Стремлюсь моим земным умом
И полный страха неземного
Горю Поэзии огнем.

26 мая.

* *
* *

Распаленная зноем июльская ночь...
Не смыкайтесь, усталые вежды мои!
Улетайте вы, сны, отлетайте вы прочь!
На-яву я пойму сновиденья любви!

В эту ночь беспредельную, дева моя,
Мое сердце большое тебе передам,
Где кипит без конца молодая струя,
Где порывы любви посвящались богам!

26 мая.

* *
* *

Надежды трепетной моей,
Моей гармонии сердечной
Твою страсть не развей
По этой дали бесконечной.

Когда я буду тосковать
И без гармонии терзаться,
Не будут звуки прилетать
И песнь надежды раздаваться...

3 июня.

* *
* *

В этой дали бесконечной
Дышит счастье прошлых дней...
Отголосок-ли сердечный,
Сочетанье-ли теней?

Посмотри: в ночном тумане
Ярче, выше, горячей
На небесном океане
Звезды искрятся почей.
Верю вам, блестите вечно
Над землею без теней,
В вашем блеске бесконечном
Вижу счастье прошлых дней.

3-8 июля.

ОТРЫВОК.

Непонятною тоскою
Дышит ночь. Приди, мой друг!
Вот стезя: почной порою
Мы войдем в волшебный круг!
Ночь темна и непонятна,
Все от нас сокрыто мглой,
Где чиста и благодатна
Говорит звезда с звездой.
Эти звезды, эти тайны
Не поймем до смерти мы,
К нам доносится случайно
Звуки горней глубины.
Но волшебной ночью звездной
Мне поэту круг открыт,
И, паря над страшной бездной,
Слышу, что звезда твердит.

4 июля.
Ночь.

* * *

Мерцали звезды. Ночь курилась
Весной, цветами и травой.
Река бесшумная катилась,
Осеребренная луной.
Хотел я с этой ночью слиться,
Хотел в блаженстве без конца
Позволить счастьем насладиться
Душе сгорающей певца...
Но все, к чему стремился пламень
Моей души, разбито вновь...
На дне речном я встретил камень
И схоронил свою любовь...

.....
Река — девица. Звезды — очи..
Она, как прежде хороша...
Но лунной блеск холодной ночи —
— Ее остывшая душа.

4 июня.

ПОЭТУ.

Я встретил вновь тебя, поэт.
Твои стихи — живые грезы.
На твой чарующий привет
Несу восторженные слезы.
Кто знает, что в моих слезах?
Одни-ль младые небылицы,
Иль заплывшие впотьмах
Ночные дальние зарницы?
Поэт, взгляни: в моих глазах
Зарниц ты видишь отраженье? —
То дух мой празднует в слезах
Твоей природы возрожденье.

8 июня.

* * *

Дитя! Твоим прозрачным словом
Я окрылен.

Ко мне летят мечты о новом
Со всех сторон.

Тоской неведомой, но сладкой
Вся грудь полна,

А в душу просится украдкой
Страстей волна,

Но с силой, прежде непонятной
Гоню я страсть,

И в сердце царствует невинтно
Любови власть.

8 июня.

* * *

Я зол и слаб. Земное море
Я перешел своим умом...
Как прежде царствовало горе, —
Теперь царит в душе разгром...

Тоскуя по минувшей страсти,
По молодой весне добра,
Я жду иной нездешней власти,
Иного летнего утра...

Я зол и слаб. Ищу напрасно...
В надежде вину, — злобно рвусь, —
Но рваться трудно... гасну, гасну
И быстро к смерти вниз качусь...

15 июня.

ЕЩЕ ВОСПОМИНАНИЕ.

Опять я еду чистым полем,
Все та же бледная луна,
И грустно вспомнить поневоле
Былые счастья времена.
Как будто я влюблен и молод,
Как будто счастье вновь живет, —
И летней ночи влажный холод
Моей душе огонь дает.
Я еду. Звезды смотрят в очи...
Одна упала, пробудив
Многообразье неба ночи,
Угас серебряный извив...

.....
Опять я еду полем чистым,
Все те-же звезды и луна...
Душа полна тоской лучистой,
Былым огнем на миг полна...

16 июня.

ДВЕ ДУШИ.

...Напомнив призраки былого,
Она дала мне зреть сама
Изгибы сердца молодого,
Изгибы юного ума...

И эти нежные аккорды,
На вид слабее тростника,
Закалены, как сталь, и тверды, —
Сковала их небес рука...

Простря волшебную десницу,
Она сказала: — Раб, живи!
И бьюсь, как пойманная птица
В тенетах гения любви...

Мы, вместе далеки и близки,
Стоим, гордясь своей красотой,
Как вековые обелиски,
Осеребренные луной...
Все та-же гордость без примера,
И только разню смотрим вдаль:—
Одна душа — живая вера, —
Другая — вечная печаль.

17 июня.

—
* * *

Меня бессонница томил, —
Недуг безумный и глухой, —
Блаженство ночи в сад манило,
Где пахло скошенной травой.

23 июня.

НАКАНУНЕ ИВАНОВА ДНЯ...

Накануне Иванова дня
Собирал я душистые травы,
И почуял, что нежит меня
Ароматом душевной отравы.

Я собрал полевые цветы
И росистые травы ночные
И на сон навеваю мечты,
И проходят они, голубые...
В тех мечтаньях ночных я узнал
Недалекую с милой разлуку
И как-будто во сне целовал
Я горячую нежную руку...

И катилися слезы мои,
Дорогая меня обнимала,
Я проснулся в слезах от любви
И почувял, как сердце стучало...

С этих пор не заманишь меня
Ароматом душевной отравы,
Не сберу я душистые травы
Накануне Иванова дня...

24 июня.
Иванов день.

* * *

Автору «Князя Серебряного».

.....
Одиноко боярин подъехал к воде...
— Он-де царскому пиру помеха!..
В эту ночь голубую русалки в пруде
Заливались серебряным смехом.
Подъезжает к пруду, — под нависшей листвою
Над прозрачною тихой водою
Приютилась русалка — манит головой:
— Поиграй-ка боярин со мною!

.....
Только утро забрежжило, — конь прибежал,
И трясет головою сердито,
У боярского терема громко заржал,
И колотит в ворота копытом:
— Прибежал я поведать жене молодой,
— Чтобы мужа она хоронила,
— Что его-де русалка порою ночной
— Приласкала и в воду сманила...

.....
Ночь.

* * *

Молодая луна родилась
И плывет по ночному эфиру...
Молодая мечта понеслась
К незабвенному светлому миру...
Я парю на крылах неземных,
Пролетаю над сонной рекою,
Пролетаю в туманах седых
И веду разговоры с душою...

12 июля.

* * *

Мою гармонию больную
Прими, у сердца схорони,
Напомни музыку святую,
Напомни мне былые дни.
О, знай, что я, певец былого,
С утра до ночи лишь Тебе
Слагаю гимны из благого
На зло изменчивой судьбе.
Моей гармонией нарушу
Быть может строй души твоей,
Но в песни я влагаю душу
И ты порта пожалей!
Твоя душа и жизни годы
Быть может сломятся скорей,
Мои-ж под бурей — непогодой
Взлелеял я: они прочней.
Так дай-же мне любить свободно,
Не отвергай и не гони!
Будь мне звездой путеводной
И оживи былые дни!

16 июля.

* *
* *

Мне в душу просится былое...
Гоню насмешливый призрак,
Но он напомнил мне благое
И подал сердцу счастья знак...

В уме теснятся сновиденья, —
Далеких дней моих венед,
Ужель вернулось вдохновенье, —
И счастье близко наконец?!...

23 июля.

* *
* *

Прощались мы в аллее дальней,
Лежала вокруг широко тень,
На миг улыбкою прощальной
Осенний озарился день,
И вышло солнце. Все, казалось,
Объято ласкою Творца,
Природа мощно наслаждалась
Лучами солнца — без конца,
Но ветер хладный, тучи хмурия,
Сокрыв лучи, нагнал теней,
И нам понятна стала буря —
Последний миг блаженных дней.

24 июля.

МЭРИ.

(«Пир во время чумы».)

Ты отличишь ее на пире:
Сидит задумчива она,
И взор витает в ясном мире,
В далеком царстве грез и сна.
Когда вокруг вино струится,
Звенят бокалы, хохот, шум,
Какая в ней мечта таится,
Каких полна незримых дум?...
А если вступит в разговоры,
И голос нежный прозвучит,
Смолкают ветряные хоры,
И пир завистливо молчит...
Когда-же песню начинает,
Ее напев смущает пир,
И голос грустный отлетает
В далекий, совершенный мир.
Младую Мэри — не впервые
Чумы печалит тяжкий гнет...
Бросает кудри золотые,
Тихонько плачет и поет.

24 июля.

* * *

Настал желанный час. Природа,
Из рук Властителя Творца,
Зажгла ночные неба своды
Сверканьем звездным — без конца.

Так прихотливо и прекрасно
Засыпав небо серебром,
Творец поставил светоч ясный
На стражу в блеске мировом,
И вышлы месяц. Нивы, доли,
Равнины, горы и леса
Вспиают вещие глаголы
И, молча, славят небеса.
В молчаньи гробовом природа,
Но чутко дремлет — до утра...
Вы, усыпленные народы,
Тогда лишь жаждете добра!
Чтож! Пробудилась ваша совесть?
Кто знает, много-ль в эту ночь
С тоскою вспомнит жизни повесть
И сновиденья гонит прочь...
Природа ночи дух подьмет...
Терзают вас творенья зла,
Пока добро спокойно дремлет,
И ночь глубокая светла!
Покойтесь добрые! вы, злые,
Всю ночь очей вам не сомкнуть!
Пусть ваши язвы роковые
Вам не дадут на миг вздохнуть!
Тогда лишь спидет мир глубокий
На ваши помыслы и сны,
Когда поймете мир далекий
Блаженной жизненной весны!
Когда такая ночь, как эта,
Пробудит в вас довольно сил,
Не бить камнями поэта,
Который вас добру учил!

25 июля.

* * *

La virginella e simile alla rosa.

Она прекрасна, — нет сомненья,
Но я не вижу тех огней,
Горевших прежде искупеньем
В глазах красавицы моей.

Безмолвна, холодно - сурова,
Она не может выразить
Живых страстей живое слово, —
Порывов жизни благодать.

Но знаю милое притворство:
Когда Амур вернется к ней,
Надменность сменится покорством,
И страсти будут горячей.

1 августа.

* * *

Природы вечера могучей
В окно струится аромат;
Я фисгармонии певучей
Докучный стон оставить рад;
Спешу в забытый угол сада,
Где сосен строгая гряда
Склонила ветви за ограду
Над чистым зеркалом пруда;
Предаться милому забвенью,
Призвать мечты прошедших спов...
А там подскажет вдохновенье
Созвучья песен и стихов!...

3 августа.

* * *

Темна и сумрачна была
Июля ночь. Я ждал свиданья.
Аллея длинная вела
Туда, к ее благоуханью...
Я долго ждал. Уже заря
Покрыла неба половину,
И, ярким пламенем горя,
Проснулись сонные вершины,
И в первых солнечных лучах
Нашел я прах далекой грёзы:
Полуувядшую впотьмах
Благоухающую розу, —
Залог обманутой мечты...
Я сохранил цветок пахучий,
И, вспомнив милые черты,
Целую ныне прах летучий...

4 августа.

* * *

Мои печальные порывы,
Мои бесплодные мечты
Тебя настроили тоскливо
И стала мне враждебна ты.
Что делать! Лучше я не в сплах
Тебе, прекрасной, толковать
О преждевременных могилах,
Где тайна — вечная печать.

Но в сердце бедного поэта
Вскипает страстью горяча,
Прекрасным обликом согрета
Струя незримого ключа.
Твоя душа ее не чувствует,
В тебе все молодость и свет,
Пока безумствует, тоскует
Тобой непонятый поэт.

12—13 августа.

—
* * *

Как душно мне! Открой окно...
Дитя, ты также нездорова?
Искать обним суждено
Потоки воздуха ночного!...
Смотри: ты вся изнемогла....
Дитя, мне душно... Что со мною!?.
Взгляни: звезда моя пошла
Искать... дышать... как мы тобою...
Ты плачешь?... я с тобой... Прости!
Дитя, томишься ты бесплодно?...
О, боже!.. ночь-бы провести,
Один-бы раз вздохнуть свободно!...
О, дай дышать..! Изнемогла
И ты... Дай руку... жми сильнее...
Смотри: звезда моя ушла!!...
Мне душно, душно!.....

.....
16 августа.

* * *

«Отчего я и сам все грустней
И болезненней день ото дня?»

Романс.

Отчего я задумчив хожу,
Отчего по почам в тишине
Лихорадочно дум не бужу,
Отчего я не плачу во сне?...
Одинокому дорог покой,
Но еще бесконечно милей
Мимолетная ласка порой,
Мимолетная дума о ней...
Все о ней-бы теперь вспоминать,
Одинокие дни украшать,
Бесконечному волю давать
И гадать-бы о милой гадать...
Отчего я задумчив и нем....
Отчего мои песни больны....
Отвечай, отвечай мне, зачем
Эти вечно — тоскливые сны?.....

19 августа.

* * *

Глухая полночь. Цепененье
На душу сонную легло.
Напрасно жажду вдохновенья, —
Не бьется мертвое крыло.

Кругом глубокий мрак. Я плачу,
Зову мои родные сны,
Слагаю песни на удачу, —
Но песни бледны и больны.

О, в эти тяжкие мгновенья
Я вижу, что мне жизнь сулит,
Что крыл грядущее бенье —
Печаль, — не песни породит.

20 августа.
Утром.

Посв. * * *

Я говорил при вас с тоской;
Случайно вам, — такой красивой,
Такой изящной и простой —
Открыл души изгиб нелживый.
Но знайте: правду различить
Во мне не вам, душа простая...
Мою души незримой нить
Не вам схватить, перерывая...
И я не слаб. Мгновенье чар, —
Одно мгновенье мне лишь надо, —
И сердца вашего пожар
Разрушит крепкую ограду...
Я вас щажу пока, дитя,
Но вижу, близится мгновенье,
Когда падете, не шутя,
К моим ногам — для упоенья....

24 августа.
Шахматово.

* * *

Плоды неизведанной страсти,
Плоды безотрадных годов
Терзают мне душу на части,
Трепещут желанием слов...

О, эти желанные речи
В душе берегу молодой
До первого друга, до встречи
С какой-то небесной душой. —
А может быть верного друга
Минутная страсть заменит,
Придет дуновение юга —
В созвучья душа улетит...
И в этих созвучиях дальних
Услышу я голос былой
Волнений, терзаний печальных
Безумной души молодой...

2 сентября.
Петербург.

* * *

Молчу и сумрачно гляжу
На берег дальний. Сердцу мнится,
Что, только мысль освобожу, —
Она опять поработится...
Опять откроется окно,
И ночь опять пахнет прохладой...
Былое вновь воскрешено
С его отравой и отрадой...
Как этих тусклых фонарей
Нева удвоила мерцанье, —
Так стоишь мелодии моей
Несет вдвойне воспоминанья...
Святые песни прежних лет
Аккордом, счастье дарившим,
Тогда лились, — и я, поэт,
Дышал грядущим, — не погибшим!..

12 сентября.
Вечером.

* * *

И влекла меня жажда безумная.
Жажда жизни вперед и вперед...

Некрасов.

Мы устали. Довольно. Вперед и вперед
Неустанно влекла нас природа...
Мы вернулись назад: чуть покинув восход,
Мы опять под лучами восхода...
Весь-то жизненный путь мы прошли до конца,—
И концом оказалось начало...
Но покинуло нас издивенье творца,
Что когда-то наш путь украшало...
Вот он, прежний восход! Но холодным огнем
Он не тронет нам души, как прежде...
Мы устали. Напрасно мы отдыха ждем,—
Не поверим мы больше надежде...

14 сентября.
Вечером.

* * *

Смейся паяц, но плакать не смей!

Я опять на подмостках. Мерцают опять
Одинокие рампы огни.
Мне придется сейчас хохотать...
А на сердце-то стоны одни!
Что-же делать! Толпа мне отсюда видна,—
Затаивши дыхание, ждет...
А у рампы она — смущена
И наверное бога зовет!
Тише! Дрогнуло что-то... Как сердце стучит!..
О, проклятое сердце, не плачь!..
Чей-то голос над ухом звучит...
Сам себе я судья и палач!..

.....

Я очнулся. Толпа ружонещет, зовет...
Я не вижу тревожных огней!

А она мне венок подает
Из лавровых ветвей...

13 сентября. —

* * *

Народилась волна, —
Ударяет о берег скалистый.
Все, чем дышит она, —
Дух прозрачный и чистый.

Ночью бурною вал
Налетел на волну молодую
И нещадно терзал
Ее душу живую...

Оттого так бледна
И, прозрачного полная горя,
Тихо шепчет волна:
Унеси меня, темное море...

18 сентября. —

* * *

Ты просишь ответа на страшный вопрос:
Живут-ли в душе моей речи,
Что жили когда-то, — но ветер разнес
Слова — до неведомой встречи...
О, если ты просишь, короток ответ:
Ты, милая, все воскресила,
О чем тосковал безнадежно поэт,
Чему его жизнь научила...
Я снова тоскую, безумствую вновь,
И горько мне прежнее горе...
А сердце, в котором сияла любовь,
В холодное брошено море...

О, если ты просишь, короток ответ:
Я в жизни моей не разрушу
Иллюзию милых и легких побед,
Упавших на страстную душу...
Ты просишь ответа на страшный вопрос!
Я жду неизведанной встречи
С далекой и милой, — чьи песни унес
Полночный ветер — далече!..

20 сентября.

—
* * *

Какой-то вышний серафим
Принес мне чудных звуков море.
Когда я был везде гоним, —
Я шел к нему — поведать горе;
А он речам моим внимал,
Моим словам он вторил страстно
И этим мне познать давал,
Что в мире зло и что прекрасно.
Моя душа жила тогда, —
Тогда я молод был, — а ныне
Годов умчалась черед, —
Повсюду мертвая пустыня...

23 сентября.

—
* * *

Много хотел я с тобой говорить, —
Только уж лучше молчанье хранить.
Если бы только начать мой рассказ, —
Ты бы заплакала верно не раз...
Очень уж грустно текли мои дни,
Слишком уж полны безумий они...

Только одно я не в силах скрывать,
Лишь об одном я не стану молчать:

Так это просто и страшно звучит,
Что поневоле душа заболит:

Только и счастья, блаженства и сил
В той, что когда-то я страстно любил...

Если же слово теперь, хоть одно, —
Снова страдать мне навек суждено!..

25 сентября.

«ПОГОНЯ ЗА СЧАСТЬЕМ».

(Рот-Гросс.)

Отвека люди служат богу,
Тому, кого незримый гнет
К его небесному чертогу
Тягчил земной души полет.
Тому, кто ссеет злое семя
Промежду семени добра,
Чей путь — объемлющее время,
Обитель — дальняя гора.
Идут века, — но поколенья
Стремятся к горному хребту
И ловят с криком оьяненья
Его одежды на лету.
Вершины редко достигают
И гибнут, гибнут — каждый миг,
А кто достигнет, — умирает, —
Но смерть его — победный клик!

7 октября.

* * *

Не презирай воспоминаний, —
Они украсят дней череду;
Покой от будущих страданий
Я в старой памяти найду.

И я их понял, им поверил,
И часто в сумраке ночном
Я сам с собою лицемерил,
Лелея то, что было сном...

Увы! Душа презреть не в силах
И чует в песнях старшины
Страстей минувших, вечно милых
Былые призраки и сны.

13 октября.

* * *

Мне странно. Столько долгих лет
Прошло тоскливо и печально;
Казалось их безумный след
Навек умчит призыв прощальный.

Прошли года, — душа опять
Влечится к юности далекой,
Стремится страстно тосковать
О той поэзии глубокой,

О тех ночах, о тех страстях,
Где было горе и блаженство,
О тех туманных облаках,
Где я провидел совершенство.

13 октября.

* * *

Помню далекое светлое лето:
Ангел-ли с неба явился, —
Только с безумством, достойным поэта,
Только со страстью, достойной ответа,
Я обожал и молился....

Ночью безгласной лелеял мечтанья,
Звезды смотрели мне в очи, —
Только я сердцем почувал страданья,
Жаждал, искал, добивался свиданья
В шпоноте девственной ночи...

Все это было безумными снами,
Сказкой мучительно лживой;
Дни миновали, — и с новыми днями
Молча явился и стал между нами
Призрак немой и тоскливый...

21 октября.

* * *

Мне страшно. Чую приближенье
Минут, когда нельзя мечтать,
Когда желанья и стремленья
Душа не может различать.

Когда, поправ законы чести,
Почуяв чей-то робкий гнет,
Душа стремится к жалкой мести,
А ум, сознав, не сознает.

Когда, прельстившись блеском злата,
Питают в сердце смерти страх,
И проклинаят все, что свято,
И поздно каются в слезах.

23 октября.

* * *

Ты, вечно юная! О, нет!
Ты не жалеешь о потере...
Когда б ты знать могла: поэт
Опять, как встарь, у этой двери...
Когда б ты знала, сколько грез
Мне воскресили те ступени,
Где после милых, жарких гроз
Перед тобой склонял колени...
О, я опять у тех дверей!
Я жду... Одно прикосновенье
К твоей руке, к груди твоей, —
Вернется счастье, вдохновенье!
Но тьма кругом. Напрасен зов...
Умру, склонившись на ступени,
Где так давно, рыдать готов,
Перед тобой склонял колени!..

24 октября.

* * *

Вот они, грустные, полные страсти
Или любви без границ
Письма... Она их писала без счастья...
Капали слезы с ресниц...
Так и дрожат на страницах забытых,
В этих поблекших листах
Слезы немые, — без счастья пролиты, —
Горе я видел в очах...
Вот они, грустные, полные страсти, —
Дней пережитых печать.
Что мне бывшее? Отблески счастья,
Отзвук погибшей неведомой власти?
Разве я стану молчать?

1 ноября.

* * *

О, наконец! Былой тревоге
Отдаться мыслью и душой!
Вздыхать у милой на пороге
И слушать песню за стеной...
Но в этой песне одинокой,
Что звонко плачет за стеной.
Один мучительный, глубокий
Тоскливый призрак молодой...
О, кто ужасному поверит
И кто услышит стон живой,
Когда душа внимает, верит,—
А песня смокла за стеной!...

9 ноября.

* * *

Пока спокойною стою
Иду, и мыслью, и пою,
Смеюсь над жалкою тошю
И вздохов ей не отдаю.
Пока душа еще согрета,
И рок велит в себе беречь
И дар незыблемый поэта,
И сцены высреннюю речь.
Но чувство прежнее не ново,
Ветшают мысли, гаснет взор,
И надвигается сурово
Упрямый неба приговор.
Теперь собрать мне надо силы
И их не тратить, а беречь,
Чтоб не угасли до могилы
Поэта дар и сцены речь.

28 ноября.

* * *

Устал я. Смерть близка. К порогу
Ползет и крадется, как зверь,
И растворяет понемногу
Мою незамкнутую дверь.
Она меня настигнет ночью,
Подаст мне пробужденья знак,
И мне представится воочью
Ее бледнеющий призрак.
Тогда расстанусь с этим миром,
А может быть вернусь опять, —
И в новом теле с духом сирым
Пойду бесцельно трепетать:
Опять испытывать утраты, —
И озлобленья слезы лить
Над всем, что дорого и свято,
И всем, что хочется любить....
К чему? Никто не даст ответа.
Душевный мир — богам кадить....
Но этот мир душа поэта
Не может больше выносить!

29 ноября.

* * *

Давно мы встретились с тобою, —
То было летом. Ночи зной
Манил в аллею за собою
И звал любить и жить с тобой...

С тех пор прошли года. Забыты
Мгновенья страсти. Чудный свет,
Где мы цвели, далек, — и смуты
Воспоминанья юных лет.
Теперь зима. Дыханье юга
От нас сокрыто холодной мглой,
Но ты, далеких дней подруга,
Манишь, как прежде, за собой....
Возьми меня опять с собою,
Верни утраченное мной
И верь, я буду жить тобою
И умирать с тобой одной!...

19 декабря.

—
* * *

Где ты парить теперь,
О, девственная тень...
Мне жаль тебя, поверь,
Мой лучезарный день!...

О чем вздыхал тогда,
О чем мечтал я так,
Что лучшие года
Умчались, как призрак?...

О, девственная тень,
Открой свою мне дверь!...
О, лучезарный день,
Мне жаль тебя теперь!...

27 декабря.

1900 год.

Веселые годы,
Счастливые дни,
Как вешние воды
Умчались они!...

Что было год назад? все то же:
Все та же мертвенность души;
Но та душа была моложе, —
Я плакать мог в ночной тиши.
Теперь открылся мир тревоги,
И ум трезвей на жизнь взглянул,
Открылись новые дороги,
Но я по старой повернул....
Она одна — мой путь привычный,
Быть может трудный и больной,
Но я пойду стопой обычной,
А там — и отдых, и покой.

3 января.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ.

II.

Как мимолетна тень осенних ранних дней,
Как хочется сдержать их раннюю тревогу
И этот желтый лист, упавший на дорогу,
И этот чистый день, исполненный теней, —

Затем, что тени дня — избытки красоты,
Затем, что эти дни спокойного волнения
Несут, дарят последним вдохновеньям
Избыток отлетающей мечты.

3 января.

* * *

О, не смотри в глаза мои с укором,
Не призывай к безмолвию и сну!
Я знаю, друг, за этим темным взором
Таится страсть за прежнюю весну...

Весна была! В небесных сферах дальних
Горели звезды; их затмила ты
Сверканьем глаз веселых и печальных,
Что ярче звезд, превыше красоты...

О, не смотри в глаза мои с укором
И дай вкусить бывшего торжества!
Ты знаешь, друг, за этим гордым взором
И жизнь, и смерть, и облик божества!

4 января.

* * *

Усталым душам вдруг сдается,
Взглянув на лоно прошлых дней,
Что жизнь приниженно смеется
Над отраженьем их теней;

Посмотрит в те воспоминанья, —
И отшатнется, и замрет,
Почувяв скудное желанье
Отбросить жизни прошлый гнет...

Но те желанья — не живы,
И прежней искренности нет
Там, где так глухо, некрасиво
Истлела жизнь, погаснул свет...

6 января.

* * *

В часы недавнего паденья
Душа внезапно поняла
Всю невозможность возвращенья
Того, чем ты тогда влекла;
Всю невозможность прежней силы,
Что так давно обоих нас
В одну мечту соединила
И обняла в последний раз...
Увы! притворство невозможно,
И ты, как я, должна понять,
Что все волненье будет ложно,
И останется — вспоминать....

16 января.

* * *

Ты не даешься и не исчезаешь...
Так ты неуловим? Так ты доступен
Одним глазам, виденье роковое!?

Нисходит сумрак ночи бледной,
Но сон — тревожен. Мой покой
Какой-то образ, лик победной
Тревожит песнью молодой...
Исчезни, вставший из могилы,
Едва забытый бледный лик!...
Но, — нет!.. Он манит... нежный... милый!..
Бросает в ночь призывный клик!..
Он мне протягивает длани,
Он мой!!.. К нему спешу, стремлюсь,
Сейчас схвачу одежды твани
И с ним в объятьях понесусь...
Манит...

Напрасные усилия!..
Неуловимый, он скользит,
Слабеют разум, сердце, крылья...

.....
Ночная мгла, как прежде, — спит.

31 января.

* * *

Прощай. В последний раз жестоко
Я обманул твои мечты...
Мое раскаянье глубоко
Затем, что мне простила ты...

Когда бы ты, как прежде было,
О муках сердца своего
В своем посланьи говорила, —
Я не сказал бы ничего...

Но эти строки просты, кратки,
Влекут меня, как всякий раз,
Решить лазурные загадки
Твоих неотразимых глаз...

3 февраля.

К МУЗЕ.

В те дни, когда душа трепещет
В предвестьи жизненных тревог,
В каких-то дальних сферах блещет
Мне твой, о милая, чертог...

И я стремлюсь душой тревожной
От бури жизни отдохнуть,
Но мнится, счастье невозможно.
К твоим чертогам долог путь...

Ты ослепишь своим сверканьем,
И, оглянувшись, я пойму:
Бессмертье стало воспоминаньем,
Доступным смертному уму.

7 февраля.

* *
* *
* *

Ярким солнцем, синей далью
В летний полдень любоваться —
Непонятную печалью
Дали солнечной терзаться....
Кто поймет, измерит оком,
Что за этой синей далью?
Лишь мечтанье о далеком
С непонятною печалью...
Этим солнечным сияньем
Осветить в туманной дали
Все, покрытое молчаньем,
Все несущее печали...

За печалью бесконечной,
За умершим летним светом,
Возвестить о смерти вечной
Умирающим сонетом...

17 февраля.

* *
*

О, не тебя люблю так пылко, так глубоко,
Не по тебе теперь моя тоска!
Мне кажется, что вечер недалеко,
Об утре дня тоскую!...

Ночь близка.

Она придет и мрачной пеленою
Покроет все, что я боготворил...
О, светлый день, исполненный тобою!

Нет! Не тебя я горестно любил!...

9 марта.

Утро брежит. День грозит ненастьем.
Вечер будет холоден, но ясен.
Будет время надыхаться счастьем,
Чуять все, чем божий мир прекрасен...

Одного не даст душе природа,
И у бога нет довольно власти,
Чтоб душа почувяла свободу
От прошедшей, вечно сущей страсти...

12 марта.

В ночи, исполненной грозою,
В середине тучи громовой,
Исполнен мрачной красотой
Витают образ грозовой.

То — ослепленная зарницей,
Внемя раскатам громовым,
Юнона правит колесницу
Перед Юпитером самим.

20 марта.
Перед. 11 июля 1919 г.

Он шел на отдых. Новый день
Развеял утреннее знамя,
Но медленно сходила тень
На потухающее пламя.

Он шел бледнеющей стезей
На смерть, — и новый день навстречу.
Они сошлись, вступили в бой,
И долго, долго длилась сеча.

Святое пламя унеслось
В отдохновенную обитель,
Победы знамя развилось, —
Но пал со страхом победитель.

Затем печальна и грустна
Восходит новая денница:
В победном дне затаена
Им побежденная десница.

16 апреля.

* * *

Хожу по камню старых плит,
И вновь душа полна терзаний...
Блаженный дом! Ты мной забыт,
Но лишь для новых воспоминаний!
Здесь бедной розы лепестки
На камне плакали холодном.
Вдали мелькали огоньки,
И ночь плыла струей свободной...

Лишь ветер смутно долетал,
А с ним врывался снег здоровый,
И дальней город разверзал
Свои шумящие покровы...

.....
В ночи медлительной и шумной
То сон был дальней и безумной.

14 апреля.

—
* * *

В ночи туманной и росистой
При свете первых светляков
Стезей неведомо - лучистой
Душа летит на первый зов.

Очарованья старых песней
Объемлют душу в этот миг,
Еще живей, еще чудеспей
Встает из мрака светлый лик.

Своей дорогой голубою
Проходишь медленнее ты,
И отдыхают над тобою
В небесной выси две звезды.

13 июня.

—
* * *

Пророк земли — венец творенья,
Подобный молниям и громам,
Свои земные откровенья
Грядущим отдавал векам.

Толпы последних поколений
Быть может знать обречены,
О чем не ведал старый гений
Суровой Английской страны.

Но мы, — их предки и потомки, —
Сиянья их ничтожный след,
Земли ненужные обломки
На тайной грани лучших лет.

21 июня.

σοφία.

В Дельфийском храме новый бог
Над камнем Пифии священной
Возвысил голос — и не мог
Развеять пламень сокровенной.
Великих тени без числа
Могилы вскрыли на дороге,
И мудрость древняя легла
На незапятнанном пороге.
Великим теням пробил час,
И храма рухнула святыня,
Но древний пламень не погас
Хранимый мудростью поныне.
Века прошли, — и не могла
Повергнуть в прах чужая сила
Того, что мудрость создала
И сединами убелила.

21 августа.

Revertitur in terram
suam unde erat,
Et spiritus redit ad
Deum, qui dedit illum
Amen.

В седую древность я ушел, мудрец.
Элада холодна. Безмолвствует певец.
Элада умерла, стяжав златой венец
И мудрости, и силы, и свободы.
Ту мудрость я передаю уму.
Ту силу я провижу и пойму.

Но жизнь души свободной не уйму —
Затем что я — певец природы.

В холодном мраке эллинских могил
Я ум блуждающий напрасно укрепил.
Но пролил в сердце жар глубокий.
И первый зов души мне будет приговор.
Седеющих веков меня покинет взор
И в мир вернусь один — для песни одинокой.

27 августа.
Шахматово.

СМЕРТЬ.

Прислушайся к земле в родных полях:
Тебя овеет чуждыми странами,
Но вместе родственный обнимет некий страх:
Ты ощутишь шаги, следящие за нами.

О, друг мой, не беги родной своей земли,
Смотри: я жду таинственной прищипцы
И каждый час могу следящую вдали,
Но близкую всегда принять в мои темницы.

13 сентября.

*In nova fert animus muta-
tas dicere formas
Corpora...
Ovidius. Metamorphoses.*

Вложив безумство вдохновений
В холодный разум мудреца,
Я шел в толпе, бесстрашный гений
Миры познавший до конца.

Моей природой вдохновляясь,
Олив и роши и сады,
Ветвями до полу склопяясь,
Роняли влажные плоды.

И вновь рожденный смертным — ныне
Я смутно помню блеск венца
В моей тюрьме, в моей пустыне,
В моем бессильи — до конца.

14 сентября.
Петербург.

Е. А. БАРАТЫНСКОМУ.

Так мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

Баратынский.

Тебе, поэт, в вечерней тишине
Мои мечты, волненья и досуги.
Близ Музы, ветреной подруги,
Поцеловать недолго видно мне.
Придет пора — она меня покинет,
Настанет час тревожной суеты,
И прихоть легкая задумчивой мечты
В моей груди увянет и застынет.

16 декабря.

На юге Франции далекой
Встречая пышную весну,
Лелей мой образ одинокой
Тебя лелеющий — одну.

1901 год.

Я никогда не понимал
Искусства музыки священной,
А ныне слух мой различал
В ней чей-то голос сокровенной.

Я полюбил в ней ту мечту
И те души моей волненья,
Что всю былую красоту
Волной приносят из забвенья.

Под звуки прошлое встает
И близким кажется и ясным.
То для меня мечта поет,
То веет таинством прекрасным.

17 января.

* * *

Часто в мысли гармония спит
И не льется словесной волною.
И молчанье бесцельно таит
Непонятный упрек над собою.

Только чувствовать, верить, узрев,
Но сказать, — не услышишь ответа...
Точно песня, весь мир облетев,
Возвратилась, ничем не согрета.

23 января.

* * *

Посвящается *

Я понял смысл твоей печали,
Когда моря из глубины
Светила ночи возвращали
В их неземные высины.

Когда внезапным отраженьем
Небесных тел в земных морях
Я был повержен в изумленье, —
Я понял твой заветный страх.

Ты опечалена природой —
Общеньем моря и светил,
И без надежды на свободу
Устрашена согласьем сил.

11 февраля.

* * *

Отзвучала гармония дня —
Замирают последние песни...
Ты, душа, порожденье огня,
В наступающем мраке воскресни.

На границе печалей дневных,
На границе вечерних веселий,
Загорайся огнем новоселий
По краям облагов грозových.

19 марта (?).

Вчера я слышал песни с моря
И плески волн о южный брег,
Душа, в смятении песням вторя,
К полудню направляла бег.

Так — невозможного искала,
И лишь далеко ввечеру
Сознаьем поздним разгадала
Волны певучую игру.

Но вновь перед вечерним светом
Она болит из глубины
И чует в сумраке согретом
Загадку песни и волны.

19 марта.

* * *

Вечерний свет завтра снова
В сиянии дня прольется мне.
Его пророческое слово
Находит отзвук в старине.

То старый раб в чертогах ясных
Находит признаки теней
Победоносных и прекрасных
Во всем величии царей.

19 марта.

Плевелы от пшеницы жезл твердо
отбивает,
Розга буйство из сердец детских
прогоняет.

Права русского историю
Уподоблю я громам,
Что мешают мне на взморье
Уходить по вечерам.

Вперед-ж (душа раскисла!)
Ждет меня еще гроза:
Статистические числа,
Злые Кауфмана глаза...

Мая до двадцать второго
Не «исхичу я из тьмы»
Имя третьекурсового
Почитателя Козьмы.

Весна.

Завтра рассвета не жди.
Завтра никто не проснется.
Ты и мечты не буди.
Услышишь, как кто-то смеется.

Только с дороги сойди.
Жалобным смехом смеется.
Громко кричит: «Отойди!»
Он — сумасшедший. Не жди
Завтра рассвета. Никто не проснется.
Ты же и в спящей мечте
Разгадку найди.

8 мая.

Ты ли это прозвучала
Над темнеющей рекой...
Или вправду отвечала
Мне на крик береговой?...

I.

Не часто, не всегда, с мольбой и чутким страхом
Смотрю в твои глаза и чую прошлый день...
Тоскую и молюсь над погребенным прахом,
А все объемлю лучшей жизни тень...
Не часто, не всегда, но верь, душа не лживо
Поет твои мечты, к твоим стопам льзывает...
И, знай, о знай! — тогда, что трепетно и живо
Она тебя манит, тоскует и зовет...
Ответь единый раз болезненному крику,
Послушай только раз безумный бред ночной, —
И ты поймешь душой, зачем темно и дико
Грядущий день зарю выводит за собой...

II.

Поверь, — и я, далекий света,
Давно мечтавший об ином,
К тебе приближусь до рассвета, —
Мы ночь в объятьи проведем.

В одном объятии и молчаньи...
Когда заря начнет вставать,—
Исчезнем в смертном содроганьи,
Чтоб дня грядущего не знать.

И будут души неразлучны,
И будут сплочены тела,
Как будто вдруг — светло и звучно
Дышала песнь — и умерла.

13 мая.

И к Мидианке на колени
Склоняю праздную главу.

Владимир Соловьев.

Через песчаные пустыни,
Лелея долгую мечту,
Я нес в далекие святыни
Мою духовную лепту.
Ни человек, ни зверь, ни птица
Не помешали мне идти.
Одно дитя — отроковица
Мне повстречалась на пути.
И вечно - женственным прикован,
Смущён,—и брошена лепта,
И ослеплен, и очарован,
И власть приняла красота.
Но за блаженными брегами
Еще белеет некий храм.
Туда приду, горя мольбами,
И там явлюсь, в ряду с богами
И сопрячисленный богам.

20—21 мая.
Ночь.

ВИДЕНИЕ.

Предтечи вечного сиянья,
Неугасимого огня.

Ал. Гиппиус.

1.

Розы в лазури. Пора!

Вон пламенеет закат.

— Поздно. До завтра простимся, сестра.

— Будь же счастлив. До завтра, о брат.

2.

И разошлись. В вышине

Розы с лазурью слились.

Смотрит он: в темной лесной глубине

Тени недвижно и страшно смеллись.

3.

Кто-то вблизи пролетел —

Лес зашатался вокруг.

Он крикнул, — и он онемел.

Слышится: — Здравствуй, друг.

4.

— Розы в лазури. Пора!

— Сосен краснеют стволы.

— Кто знает, завтра с утра

— Будешь ли жив и далек от хулы?

5.

Внемлет он. — Ты ли, сестра?

И зрит — зазелело вокруг.

Вздрыгнули тихо листья:

— Нет, не сестра, а друг.

6.

И жалкий, жалкий познал
 Силу лазурных роз.
 Он долго в лесу ликовал,
 И призрак в мечтах возрос.

7.

На завтра: — Здравствуй, сестра.
 — Был ли ты счастлив, брат?
 — Розы в лазури. Пора!
 Вон пламенеет закат.
 И пшине, будто вчера,
 Увижу, как розы горят.

1 августа.
 Поляна в Прасолове.

Нас старость грустная настигнет без труда,
 Мы немощны теперь, и нет у нас желанья.
 С тех пор, как умерла подруга, — никогда
 Не полнится душа тревогой ожиданья.

Та жизнь прошла для нас, чудес и бед полна,
 Оставив по себе одни воспоминанья.
 Печальная наш мир покинула она,
 И в этой пустоте все памятна весна,
 Где каждый вздох хранит ее существованье...

3 августа.

* * *

Все бесконечней, все хрустальней
 Передо мной сплела даль.
 Я различаю за нивой дальней
 Мою осеннюю печаль.

Но как тогда она витала,
В моей душе рождая сны,
Так ныне мирно отдыхала
Вблизи от милой стороны.

И я мечтал, уже свободный
Былой печальной суеты,
В другой душе, с моею сродной,
Смирить печальные мечты.

21 августа
(днем).

ПОСВЯЩЕНИЕ.

(К непосланной книге Вл. Соловьеву.)

Встали надежды пророка —
Близки лазурные дни.
Пусть лучезарность востока
Скрыта в неясной тени.

Но за туманами сладко
Чуется близкий рассвет.
Мне — мировая загадка
Этот безбрежный поэт.

Здесь — голубыми мечтами
Светлый возвысился храм.
Все голубое — за Вами
И лучезарное — к Вам.

18 сентября.

Ходит месяц по волне,
Ходит солнце в синей зыбл,
Но в неведомом изгибе
Оба зримы не вполне.

Странно бледны лики их,
Отраженья их дробимы.
Ты равно ль с другой палима,
Или пламень твой затих

И неверным отраженьем
На волнах моей мечты
Бродишь мертвым сновиденьем
Отдаленной красоты?

7 октября.

АЛЛЕГОРИЯ. *

Посвящается **

Бежали сны — сиял рассвет,
И пламенеющие росы
В исходе полуночных лет
Покрыли медного колосса.

Кумир вставал в лучах зари,
К нему стекались поколения;
Уже воздвиглись алтари,
Звучали рабские моления,

Колена всех преклонены...
Один — мудрец — подьмет очи,
И в них рабы, поражены,
Узрели знак прошедшей ночи...

Он — в иступлении жреца
И вот, измученный и важный,
Коснулся влажного венца,
И глас посыпался протяжный,

* См. стих. «Эфиопы и бревно» Вл. Соловьева.

(Пометка А. Блока.)

И ожил мертвенный колосс.
А над пустыней — без предела —
И страх, и крик, и гомон рос;
И красота небесных роз
Покрыла жертвенное тело.

13 ноября.

Militat omnis amans.
Ovid. Amores.

Любовник, вышедший для брани,
Оставил тирс коснеть в цветах,
Не одолеть прозрачной ткани
С одной небридой на плечах.

Но дрогнул тирс — и песни страстной
Повиты таинством слова,
И у любовницы прекрасной
Уже кружится голова.

И тирсоносцу глянул в очи
Один вакхический экстаз,
Дохнул навстречу шорох ночи,
И дрогнул тирс в последний раз...

С тобою тирса не забуду
И, в брань вступаю, не солгу,
Поверив будущему чуду
Еще на этом берегу.

16 ноября.

1902 год.

Туманы кроют берег отдаленный,
Ладья бежит заметней и смелей.
Кто на руле — прекрасный и влюбленный
Тебе поет и гладит шелк кудрей?

Смотрю я вдаль, без воли и без плена,
Мой берег пуст, но ясно вижу я —
Поет и блещет розовая пена,
В лучах зари бегущая ладья...

И вятен крик, тоскующий и страстный,
И даль нема, и темный взор немеи.
Там — на руле — влюбленный и прекрасный
Тебе поет и гладит шелк кудрей...

12 января.
С. Петербург.

Боги гасят небосвод.
Жадно молится народ.
Мы же, близки смертной тещи,
Призываем новых жриц
На тенистые ступени
Остывающих теплиц.

Вот они — идут рядами
Благовонными садами...

.....

Февраль.

Успокоительны и чудны,
И странной тайной повиты
Для нашей жизни многотрудной
Его великие мечты.

Туманы призрачные сладки —
В них отражен Великий Свет,
И все суровые загадки
Находят дерзостный ответ.

В одном луче, туман разбившем,
В одной надежде золотой,
В горячем сердце — победившем
И хлад, и сумрак гробовой.

6 марта.
Петербург.

Тянет ветром от залива,
В теплом ветре — снова ты.
Широко и прихотливо
Покачнулась гладь мечты.

Здесь-ли, нет-ли — это с моря
Огоньки и голоса...
На темнеющем просторе —
Там — песчаная коса.

Над моими ли мечтами —
Вечереющий обман?
И широкими струями
Кольхается туман...

Март.

Есть чудеса за далью снейшей —
Они възиграют в день весны.
Но плачет сердце над пустыней,
Проясь привычной тишины.

Той тишины невозмутимой,
Которой нет в ее тени:
В ее душе неумолимой
Горят зловещие огни.

Но час придет — жена устанет
Искать улады в долгом сне,
Недуг осенний в бездну канет,
Зима промчится по земле...

Март.

Проходишь ты в другие дали,
Другие слышишь голоса.
Ты светлой не поймешь печали,
Когда алеют небеса.

Что чуждо мне — тебе открыто,
Но я обманут, как и ты,
И под обманом — ядовиты
Восходят чахлые цветы.

Ты в бесконечном отдалении —
И без недуга и без грез —
Сольешь случайное моление
С моим молением, полным слез.

Март.

Я брошусь в черный день со скал
В морские волны бурные.
Мне первый голос прозвучал,
Второй тоскливо простонал,
А третий — Ты, Лазурная.

Март.

Она была — Заря Востока,
Я был — незыблемый гранит.
Но мощным виденьем пророка
Пылал в жару ее ланит.

Ее глубокие пожары
Точили сердце мертвеца.
Казалось — мощные удары
Разрушат камень до конца.

Но, воспылав Ее зарею,
Я воскресал на новый бой
И возносился головою
До самой тучи грозовой.

И там, бежав людского плена,
Свободный, в гордости веков —
Я чуял розовую пену
С Ее любимых берегов.

Март.

У окна не ветер бродит,
Задувается свеча.
Кто-то близкий тихо входит,
Встал — и дышит у плеча.

Обернусь и испугаюсь...
И смотрю вперед — в окно:
Вот, шатаясь, извиваясь,
Потянулся на гумно...

Не туман — красивый, белый,
Непонятный, как во сне...
Он — таинственное дело
Нашептать пришел ко мне...

Март.

Догорай, не узнавая,
В синий вечер, в синий день.
Встретим вместе, умирая,
Одинаковую тень.

Но к чему огонь вечерний,
Сожаленье, память, сон?...
Сердцу ль биться суеверней
В час последних похорон?

Иль вздохнула, узнавая,
На исходе поздних лет?...
Встретим вместе, воскресая,
Одинаковый рассвет.

Апрель.

Как любовно слетал я тончайшую сеть!
Но один — на другом берегу
Жду — в полночной поре незаметно сгореть,
Искру прошлого дня берегу.

В тайный круг замыкали мы злую печаль
И дошли до последней дуги.
С легким звоном распалась блестящая сталь, —
Все сомкнутые мнились круги...

1 мая.

Проходят сны и женственные тени,
В зеленый пруд смотрю я, не дыша.
Туда сойдут вечерние ступени,
Забывший сон воспряднует душа.

Безводный сон мгновенней и короче,
Мой сон продлит зеленая вода.
Настанет ночь — и влажно вскрыешь очи
И Ты на дне заглохшего пруда.

Они проходят, женственные тени —
Безмирные и сладостные сны.
К ним возведу забытые ступени,
Воспрядную желаний глубины.

Май.

Всю ночь я слышу вздохи страшные,
У изголовья слышу речь.
Я опущусь в окно туманное
И буду с улицы стеречь.

Ах, эти страхи все напрасные,
Моя загадка — здесь — во мне.
Все эти шорохи бесстрастные —
Поверь, величье в тишине.

Я подстерег и успокоился.
И кто другой бы мог прийти?
И только мой восторг удвоился —
Все Ты-же на моем пути!

О, это Ты — и вздохи странные,
И сны, и шорохи, и речь...
Ты — безначальная, желанная,
Ты — разрешенье милых встреч!

Май.

Поздно. В окошко закрытое
Горькая мудрость стучит.
Все ликование забытое
Перелетело в зенит.

Поздно. Меня не обманешь ты.
Смейся же, светлая тень!
В небе купаться устанешь ты —
Вечером сменится день.

Сменится мертвенной скукою —
Краски поблекнут твои...
Мудрость моя близорукая!
Темные годы мои!

Май.

Сплетались времена, сплетались страны.
Мы из Венеции на север шли.
Мы видели дождливые туманы,
Оторвались, — и к Лидо подошли.

Но берег пуст, и даль оделась в сети
И долгого и тонкого дождя.
Мы подождем. Мы будем только дети,
В живой игре на север уходя.

Так началось время изображение.
Игра веков! О, как ты дорога!
Бесчисленные развернулись звенья,
Летели брызги, искры, жемчуга.

Но кто прошел? Кто заглянул в туманы?
Игру, мечту — кто видел издали?..
Сплетались времена, сплетались страны,
Мы, не свершив, на север отошли.

2 июня.

Загадай и скройся в ночь,
И следы, одетый мраком:
За ночным росистым знаком
Выйдет северная дочь.

У нее в глазах мечта —
Отдаленное моление.
Как у матери Христа,
Тайной силы откровенье.

Ризы длинные белей
Херувимских нежных крылий.
Ах, в объятиях у ней
Сонмы девственные лилий. . .

Загадай и скройся в ночь
И следы, одетый мраком:
Выйдет северная ночь
За вечерним гибким знаком. . .

2 июня.

ГОЛОСА.

Первый голос.

Грустнее не бывали думы.
Последних лет на рубеже
Бесдельно вслушиваюсь в шумы
На доцветающей меже.

Второй голос.

Усыплен я земными тревогами,
Все иное — певучий обман.
В тишине над святыми дорогами
Почивает безбрежный туман.

Первый голос.

Не здесь ли верное жилище?
Кузнечик вечен, вечен знак.
Здесь встретятся богач и нищий.
Протянут руки друг и враг

Второй голос.

Но в тумане надежды затеряны,
И поют мои песни вдали.
До конца сочтены и измерены
Эти стоны недужной земли.

Первый голос.

Земля зарделась не случайно,
Заря с луною вместе шла.
Передо мной, стгорая тайно,
Жена лазурная плыла.

Второй голос.

Нет предела земному познанию,
Гладь земная видна далеко...
Нынче тягостно было свидание,
Завтра — снова светло и легко.

7 июня.

Καὶ εἶδον οὐρανὸν καινὸν καὶ γῆν
καινήν. ὁ γῆ πρῶτος οὐρανὸς καὶ ἡ
πρῶτη γῆ παρῆλθε, καὶ ἡ θάλασσα
οὐκ ἔστιν ἔτι. Καὶ τὴν πόλιν τὴν
ἀγίαν, Ἱερουσαλὴμ καινήν, εἶδον
κατὰ βαίνουσαν ἐκ τοῦ οὐρανοῦ ἀπὸ
τοῦ θεοῦ, ἡτοιμασμένην ὡς
νύμφην κεκοσμημένην τῷ ἀνδρὶ
αὐτῆς.

Ἀποκάλυψις, κá, 1—2.

Мы истомились в безмерности.
Вот мои песни — и дни.
Речи задумчивой верности —
Не сочтены ли они?

Нет. Еще все не измерено.
Все еще чую красу.
Знамя блаженства потеряно.
Я отыскал — и несу!

Страшные клятвы победные,
Невероятные сны.
Звуки могучие, медные,
Стоны моей глубины!

Что же? В последнем пылании
Ярче и громче обман!
Если не будет свидания, —
Пусть пролетит ураган!

Облако! Тени придвинулись!
Вот — бездыханность близка.
Мы над землей опрокинулись,
Нам промечтались века!..

Дева! Астарта! Невнятное!
Близко — и весело там!
Ах! Стережет необъятное.
Вот он — белеющий храм!..

О, неизбежное, милое...
О, Лучезарная, Ты?
Над незарытой могилою
Как побелели цветы!

Крики умолкли. В смятении
Нам промечтались века...
Смерть ли? О, нет, об Успении
Дума уже высока...

Все отступило из времени.
Сила пределов мертва.
Память проклятого семени
Смысла Иная Молва.

Где вы, обильные матери
С грудью Сидонских богинь?
Пламень бушующий в кратере,
Гибель цветущих пустынь?!

Знаменье — риза струящая
Наиссякающий свет,
Это — Жена восходящая —
Поздний, но верный ответ.

21 июня.

Они идут туманные
С мерцаньями в глазах.
На них одежды странные —
Вокруг — печаль и страх.
Несут обетования,
Но шаг их мерно-тих,
Ужасные желания
Когда-то были в них.
Они сердца кровавили,
Их слезы заеклись.
Кровавый ток оставили
И улетели в высь.

Теперь идут туманные
Одежды их белы.
Но чудные, по странные,
Исполненные мглы.

23 июня.
Канун Иванова дня.

Я помню тихий мрак и холод с высоты.
Там своды мрачные задумчиво чернели.
Там нити прочные сплетались, как мечты.
Здесь — думы грешные, сплетаясь, пламенели.

Там — лестницы взбегали к куполам.
И образа мерцали странным светом.
Недосягаемым тогда казалось нам
Предаться пламенеющим обетам...

Ночь.

* * *

Исчезла, отлетела в высь.
Замолкла в сферах отдаленных.
Стезей лазурной поднимись
На крыльях светлых и влюбленных.

Там подними ее покров.
На стон ответствуй равным стоном.
Страну видений и духов
Могучим пронизай законом.

Лови, лови ее ответ.
Ты лучшие проводишь годы.
Там — впереди — ни звуков нет,
Ни снов, ни страсти, ни свободы.

Проснулся дремлющий орел
И к солиду обратил зеницы.
И там, тоскующий, нашел
Стезю мятежной голубицы.

11 июля.

Как сон, уходит летний день
И летний вечер только снится.
За ленью дальних деревень
Моя задумчивость таится.

Дышу и мыслю и терплю.
Кровавый запад так чудесен...
Я этот час, как сон, люблю
И силы нет страшиться песен.

Я в этот час перед тобой
Во прахе горестной душою.
Мне жутко с песней громовой
Под этой тучей грозовою.

27 июля.

По узким площадям ловил я тень девицы,
Но камни и тоска, казалось, — за одно.
Я ночью ворожил перед окном светлицы, —
Не отворилось мне дрожащее окно.

Я птицей пролетел, бросая страсти крики,
И страстно верил я белеющим словам.
Я был перед тобой двуликий и безликий,
Я тень твою искал по узким площадям.

Июль.

Сладко найти нам звезду.
Вот она — в небе видна.
Я осторожно приду —
Будем шептать имена.

К нашей родной стороне
Ты устремись — и не лги.
Вечер мой снова в огне,
День мой свершает круги.

Июль.

Бедная, клонишься ты
В злую дорожную пыль.
Плачут степные цветы,
Плачет летучий ковыль.

Ветер тебя унесет,
Стоны замолкнут в пыли.
Солнце за горы падет —
Ты заиграешь в дали.

Июль.

Не знаю тебя — и не встречу.
Больнее, но легче не встретить.
Лишь знак отречения замечу —
И легче тебя обесцветить.

Июль.

Сегодня образ твой чудесен —
Наряд твой темен, взор твой дик.
Я — не певец веселых песен,
Но вечно плакать не привык.

Июль.

Гашу огни моих надежд.
Со вздохом закрываю окна.
Бегут мечтой твоих одежд —
Прозрачных облаков волокна.

Но медленный грозит закат, —
Уж легкий пурпур их окрасил.
Я приближенью ночи рад:
Я в ней себя обезопасил.

13 августа.

ГОЛОСА.

Предоставьте мертвым погребать мертвецов.

Евангелие.

«Он не властен придти: он убит на пути.

«Он в могилу зарыт, он мертвец.

Вальтер Скотт.

Первый голос.

Я — свободный глашатай веков.

Я — слуга у моей госпожи.

Укажи мне название цветов —

Ей любимых цветов — укажи.

Второй голос.

У высоких заброшенных стен,
Где впервые запомнил ты плен,
Там кусты притаились вербен,
Ярко красных, кровавых вербен.

Первый голос.

Кто-ж похитчик, душою не слаб?

Кто, покрытый ночной темнотой?

Будет он господин или раб —

Но не я — а другой?

Второй голос.

Да, по утру, весельи, к крыльцу
Подойдет — и у сердца цветы.
Он не раб — господин: по кольцу,
По дрожащей руке, по лицу,
Ты узнаешь по знаку кровавой мечты.

Первый голос.

Что мне тайна кровавых цветов!
Что мне лик господина — скажи!
Я — свободный глашатай веков.
Я — слуга у моей госпожи.

8 сентября.

Передо мной — моя дорога,
Хранитель вьется в высоте:
То — ангел, ропщущий на бога
В неизъяснимой чистоте.

К нему не долетают стоны,
Ему до неба — взмах крыла,
Но тайновиденья законы
Еще земля превозмогла.

Он белокрылый, звонко бьется,
Я отразил его мятеж:
Высоко песня раздается, —
Здесь — вздохи те-же, звуки — те-ж.

И я тянусь, подобный стеблю,
В голубоватый сумрак дня,
И тайно вздохами колеблю
Траву, обнявшую меня.

30 сентября.
Ночь.

Я ждал под окнами в тени,
Готовый гибнуть и смеяться.
Они ушли туда — одни —
Любить, мечтать и целоваться.
Рука сжимала тонкий нож.
В лохмотьях, нищий, был я жалок.
Мечтал про счастье и про ложь,
Про белых девственных русалок.
И, дрогнув, пробежала тень,
Спешил рассеянный прохожий.
Там смутно нарождался день
С прошедшим схожий и несхожий.
И вот они — вдвоем — одни...
Он шепчет, жмет, целует руки...
И замер я в моей тени,
Раздавлен тайной серой скуки.

Сентябрь.

Золотит моя страстная осень
Твои думы и кудри твои.
Ты одна меж задумчивых сосен —
И поешь о вечерней любви.

Погружаясь в раздумья лесные,
Ты училась меня целовать.
Эти ласки и песни ночные —
Только ночь — загорятся опять.

Я страстнее и дольше пробуду
В упоенных объятьях твоих
И зарей светозарному чуду
Загорюсь на вершинах лесных.

Ноябрь.

НАБРОСКИ 1902 ГОДА.

1.

Облака невозможного счастья, —
Без конца их лазурная лень.
Томный сон набегающей страсти.
Вечерует вздыхающий день.
Незабвенная эта утрата,
Безнадежный...

7 июня.
Шахматово.

2.

Для странных жребиев Судьбы
Рожден задумчивый мечтатель...

3.

Чтобы желать еще безмерней,
Еще безбрежней тосковать,
Ты проводи зарей вечерней
Передо мной созвучий рать.
Я близок пламенному лону.

4.

Снега были вечером синие.
Мечты были грустны мои.

5.

Я ликовал у края бездны,
Ты зажигала свой костер.
Бежали тени ночью звездной...

21 июня.

6.

Бог знает, может быть и ты не поняла
 Бессонную игру блестящего крыла
 На этой быстрине, на этой стали водной.

24 июля.
 Иванов день.

7.

Когда смыкаешь ты ресницы,
 Твоя душа себе берет
 Прекрасный образ белой птицы
 И в нем взрезает глади вод.

8.

Замерла береговая песня;
 В стоне чайки — белоснежный зов.
 В тишине — еще, еще чудесней
 Дуновенья снежных облаков.

9.

Для меня возможны все желанья
 И великие и малые мечты.
 Мне понятны бездны, содрогания,
 Тишина, и день, и ночь, и ты.

3 июля.

10.

Подражание Вал. Брюсову.

Ты простерла белые руки
 И легла в задумчивый гроб.
 Я стою и слушаю стук,
 У окошка — снежный сугроб.

Дышу — и думаю радостный:
— В этом теле я видел дрожь.
И трепет объемлет сладостный.
На полу — окровавленный нож.

11.

Помню я твои стоны над морем,
Но понять твоих снов не хочу я.

12.

Первый.

К нашей родной старине
Ты приклонись и не лги.

Второй.

Вечер мой снова в огне.
День мой свершает круги.

Первый.

Я осторожно приду,
Будем шептать имена.

Второй.

Сладко найти нам звезду,
Вот она в небе видна.

18 июля.

13.

Вечер мой в красном огне.
День мой свершает круги.
О, не вздыхай обо мне,
Юная, сердцем не лги.

Сонная дремлет земля
Этих огней далека.
Выйдя в почные поля,
Мы углубимся в века.

19 июля.
Прасолово, около Поляны.

14.

Проходил я холодной равниной,
Слышал громкие крики вдали.
Слышал жалобный зов лебединый,
Видел зарево в красной пыли.

15.

Тень бледная легла на вычурный гранит.
Прекрасная задумалась столица.
Вечерняя заря молчанье сторожит,
Как строгая царица.
Но Исаакий...

16.

Вот знаки дня, когда восстану я:
Холодный ветер остановит тучи.
Их серая и белая семья
Столится вдруг в одной борьбе могучей.

17.

Занесен я снегами забвений.
Утопаю в морозной мечте.
Цвет золотых откровений...

18.

Ты знаешь ли тайну свободы
И распри пелужной земли?
Бежали угрюмые годы,
Мы были от знания вдали...

21 июля.

19.

Близок миг моих восстаний.
Вечер полон ворожбы.
Не исчислю я сгораний,
Что истратил на тебя.

26 июля.

20.

Я не сойду в этот день.
В солнечном душно жару,
Только придвинется тень, —
Выйду к тебе ввечеру.
Выйду, силен и велик,
И ликование — со мной.
Шепчешь ты, словно тростник,
Слышу твой слабый призыв...

26 июля.

21.

Глухая странность бытия
Уже недолго будет сниться.
Пора в пустынные края,
В беззвездный сумрак погрузиться.

22.

Исчерпать влажные мечты,
Взломать удушливые своды,
Всползти на Башню Красоты
Под ураганом непогоды.

Вот я, низвержен, истомлен,
Глупец, раздавленный любовью,
Как ясновидящий Сампсон
Истерзан и испачкан кровью.

28 июля.

23.

Скиталец задремал в пути,
И богослов забыл о боге,
Не мне ль погаснуть и уйти
От неизведанной тревоги.

24.

Ночи стали тоскливее,
Безысходнее — дни.
Ты еще молчаливее
Притаилась в тени.

19—20 августа.
Ночь.

25.

Встанет солнце за дальней горой —
У меня еще холод и мрак.
У нее уже свет в терему
И румянцем ланиты горят.
Я-же, тенью одет, никому
Не скажу про наряд.

26.

Подумай о подземном шуме,
Мое ты сердце утиши.
Быть может и в минутной думе
Скажусь любовью для души.

27.

Умерла она в сонные годы,
В непонятно тоскливые дни.

28.

Я встану здесь. Смотри и смейся,
Богopodobное ничто.
Но, умирая, не надейся...

23 августа.

29.

Жрец и отрок — мне равны,
Мне милей дитя сраженный,
Передбитвенных волнений
Чую памятные сны.
Отрок ветренный,
Жрец уходит в храм...

30.

Когда я вышел, были зори,
Белело утро впереди.
Я думал — забелеет вскоре
Забытое в моей груди.
Намек целебный, взор смущенный
Мерцал в груди, будя рассвет.
Я уходил, замороженный,
Воспоминаясь лучших лет.
Тебе, чудесной...

1905 год.

Разбушуются бури, прольются дожди,
Разметут и размоют пути.
Нас, разбитых, заменят иные вожди,
Чтоб иными путями вести.

Так уходят года, за годами века, —
То же золото милой косы.
О, изменник, пойми эту прелесть цветка,
Этот сон неизменной красы!

Ты — чужой для меня — и другая весна
Для тебя, мой судья, суждена.
Но пойми, как отрадно от смертного сна
Услыхать про свои знамена!

Весна.

Я живу в пустыне.
Нынче как вчера.
Василек мой синий,
Я твоя сестра.
Низкие поклоны
Мне кладут цветы.
На меже зеленой
Князь мой, милый, ты.
Милый мой, не скрою,
Что твоя, твоя...
Не дает покою
Думушка моя.

.....
Друг мой, князь мой милый
Пал в чужом краю.
Над его могилой
Песни я пою.

24-28 июня.

ЗАКЛИНАНИЕ.

Луна взошла. На вздох родимый
Отвечу вздохом торжества.
И сердце Девушки любимой
Услышит страстные слова.

Впервые ночью, у оврага
Мелькнут в задумчивой тени
Ее пленительная сага,
Ее алеющие дни.

Слушай: повесила дева
Щит на высоком дубу.
Полная гулкого гнева
Звонко запела в трубу.

Юноша в белом — высоко
Стал на горе и зашел.
Вспыхнуло синее око —
Звук, замирая, взлетел.

Полная гневной тревоги
Дева искала меча.
Ночью на горной дороге
Рица упала с плеча.

Грудь обнажила для встречи
Ночи, поющей вдали...
Юноша бродит далече!
В горы! На выси земли!

Песни умолкли так близко...
Где ты, белеющий мой?...
Рицы упали так низко...
Юноша! Где ты! Пстой!...

Обнял — и пали с разбега
В темной высокой траве...
Шопот, и клятвы, и нега...
Месяц стоит в синеве...

Луна взошла. На вздох родимый
Отвечу вздохом торжества.
И сердце Девушки Любимой
Услышит страстные слова.

В. Н. 1903. Juni.

НАБРОСКИ 1903 года.

1.

Строгие лики святых
В небе — румянец греха.
Поно. Забудем о них.

Апрель.

2.

Кто заметил огненные знаки,
 Не уйдет безмолвный прочь.
 Ты светла — и в светлом зраке
 Отражаешь ночь.

Есть молчанье — тягостное горе,
 Вздохи сердца у закрытых врат.
 Но в моем молчаньи — Зори
 Тают и горят.

Ты взойдешь в моей немой отчизне
 Ярче всех других светил
 И поймешь, какие жизни
 Я в Тебе любил.

13 апреля.

3.

Нам довелось еще подняться,
 Не раз упав, не раз устав,
 Опять дышать и разгораться
 Свершенностью забытых трав.

Взойдя на пыл грядущей пашни,
 Подкравшись к тающей дали,
 Почуял дух простор вчерашний,
 Давно утраченный в пыли.

Еще не время ставить терем,
 Еще красавица не здесь,
 Но мы устроим и измерим
 Весной пленяющую весь.

В зеленом сумраке готова,
 Как зданья нового скелет,
 Неколебимая основа
 Вчерашних незабытых лет.

На переходах легких лестниц
Горят огни, текут труды,
Здесь только ждут последних вестниц
О восхождении звезды.

² мая.
Поле за Петербургом.

4.

Так жили поэты — и проклинали день,
Когда услышали о чуде.
А рядом был шорох больших деревень
И простые, (здоровые) люди.

.....
И знали о рабстве — но все сознавать
Считали угрюмым величием.
И серые маски пришлось закрывать
Небывалым и страшным обличием.
На красных губах появились черты
Какой-то улыбки безбрачной.
Открылись болезни; согнулись персты
И стали, как ногти, прозрачны.
И ночью мужчина к мужчине вошел
И с женами жены смешались.
А утром по улицам шопот прошел
И долго — Кому-то молились....

.....
Так жили поэты. Казалось порой,
Что зори всходили другие,
Что утро, или день, или вечер — чужой,
И любимые ночи — чужие.
Так было, когда провожали они
Одного из готовых и твердых
На подвиги жизни, на новые дни —
На выход из замкнутой касты.
Но реже и реже пустынный квартал
Оглашался прощальной тревогой.

Давно уж никто уходить не дерзал.
.....
И все уставали от вечных надежд
На чей-то неведомый голос.
Боролись, кричали, громили невежд...
А в поле был ветер, двел колос.
.....
За городом вырос угрюмый квартал
На почве болотной и зыбкой.
Здесь жили поэты. И каждый взирал
На другого с тревожной улыбкой.

Июнь.

5.

Час вечерний наступал.
Яблонь тихо облетала.
Платье белое мелькало
Я глазами провожал.

6.

Там, где зримы какие-то села,
Где мерещится сизая мгла,
Проходил я с мечтой невеселой
О стране, где Царевна жила.

7.

V. N. SPRUDEL.

В твоей струе погиб обильный
Людьми неконченный посев,
Свистящий демон, дух могильный,
Любимый ключ подземных дев.

Дитя без племени и роду,
Земли растреснувший пласты,
Из недр взлетевший на свободу,
С корнями вырвавший цветы...
Но люди — пошлые соседи,
Друзья коварные твои,
По трубам из гудящей меди
Твои направили струи.
И ты — униженный делитель
Тобой непризнанных владык...

8.

Мы оба влюблены в один и тот же сон —
Нас вынесла волна — и укатилась с шумом.
Ты-ль жарче влюблена, иль я страстней
влюблен,
Какое дело нам! Мы не поверим думам!

13 июня, ночь.

9.

В день золотой, невозмутимый
Мы далеко от всех ушли
И сердце девушки любимой
Мои созвучья привлекли.
Сосновый лес затеял чары
И принял красные лучи...

16 июня.

10.

Один среди вас, но родной, но чужой
Расцвету я свободный и сильный душой.
И не знаю, в какую страну полечу,
Но наверное знаю, что вас не хочу.

11.

На склоне горы
 Зажигала костры.
 Красный огонь. Черная мгла.
 Величавая девушка — Ты подошла
 И в багровые складки одежды зажгла
 И встала — высока, одинока, бела.

12.

Эту скорбную осень, подруга, забудь.
 Глубоко заплеваются корни чудес.
 В этих кольцах волос, набежавших на грудь,
 В этом золоте — образ небес.
 Из ненастья рожденный колышется знак.
 Наливается колос и ночью и днем.
 Не зальют эти бури упорным дождем...

17 июля.

13.

Мои грехи тяжеле бед
 Перед Тобой, моя Душа.
 Когда был жив мой старший дед,
 Я был задумчивей папа.

Но деды старые ушли,
 И я оплакал каждый гроб.
 Сегодня жницы принесли,
 Как в старину, последний сноп.

И вновь с заржавленным серпом
 Старуха стала у крыльда.
 Как встарь, когда я был пажом
 Без обручального кольца.

Когда я был тоскливей дня,
Когда улыбка мне не шла,
Когда Ты встретила меня
И безответная прошла.

Когда все те, кто ныне там,
Печально доживали здесь —
Когда мне был единый храм —
Суровый дол, немая высь.

18 июля.

14.

Если я вошел и крестился,
В правый угол смотрел, смеясь,
Наверное знайте — я долго молился,
Всю ночь молился и плакал, утомясь.
И знайте наверное — хорошие слезы
Были у сердца, падали из глаз...

15.

Мне трижды дано воспрянуть
И трижды душой изнемочь.
Но не знаю — скоро ль увянуть
И быстра ль трехвечная ночь.

6 августа.

Преображение на Фаворе.

16.

В передзакатной позолоте
На ярко красной полосе
Мои вечерние лохмотья
Всплывают в дерзостной красе.

17.

В глубоком саду я печально уснул,
Тебя в моих снах воскрешая.
Уж месяц поплыл, как серебряный мул,
Стада облаков созывая.

12 августа.

18.

Неизмеримость гасит луны,
Закон крушится о закон.
Но мы пойдем такие струны,
Которым в мире нет имен.
Мы не напрасно вместе....
И бродим, бродим меж людьми
Друг другу верны — до свиданья
Перед последними дверьми.

13 октября.

1904 год.

НАБРОСКИ.

1.

Мы — задумчивые внуки —
Помним дедовские сны.
Слышим новых песен звуки,
В даль иную влюблены.

Благодарности румянец —
Счастье светлых вечеров.
Мы поем старинный танец
Наших дедов — облаков.

Им ли сладостным не сладко
Погореть в вечерний час
Потухающей загадкой,
На заре пленившей нас...

Обольстившей, покорившей,
Приносящей без конца
Вздохи девушки, пленившей
Наши легкие сердца?..

Светлый Сон нас не обманет —
Ляжет в утренней росе,
Пылью розовой заманит
На закатной полосе.

25 февраля.

2.

Конь мой белел у столба.
 Ночь заряжала мечтой.
 Мчусь в океан голубой —
 — Так мне велела судьба.
 Мчусь, потрясая мечом,
 Перья секу облаков.

6 мая.

3.

День мой тускл, мой вечер скуден,
 В очи смотрит даль.
 Сон царевен непробуден,
 Гreet сны печаль.

Смотрит в очи, в час полдневный,
 Смотрит синева.
 В непробудном сне царевны —
 Сном душа жива.

Шепчет высь тоске уроки,
 Даль превозмогла.
 Кротко смотрит синеокий
 В глубину стекла.

В глубине лазурной дали
 Можешь вспыхнуть Ты.
 Все мы сумрачно сжимали
 Скорбные персты.

Но сомкнувшиеся дуги
 Размыкались вновь...
 Снова в голосе Подруги
 Плакала Любовь.

Май.

4.

Полон визга веретен
 Двор открытый лунным блескам,
 Проплываю вдоль окон
 С тихим плеском...
 Разметавшись, спит она
 В голубом чаду алькова.
 Ночь пьяна, рука сильна,
 Лодка быстрая готова.

Июнь.

5.

И доверяясь слепому азарту
 Я безумный червопный валет,
 Я убил мою светлую карту
 И развеял пылающий бред.

Июль.

6.

Еще прозрачней станешь ты,
 Еще бессмертней стану я.
 Залог кружащейся мечты —
 Душа последняя моя.

Август.

1905 год.

НАБРОСКИ.

1.

Что все это будет потом?
Какое еще новоселье?
Ко мне иногда в голубом
Приходит кораблик веселья.

Ты скажешь мне просто: иди
Скитаний в подлунной не мало.
Что будет с тобой впереди —
Того никогда не бывало.

Твой страж — шаловливый дельфин.
Вот перстень — возьми, мой родимый.
Плыви, голубой паладин,
Веселой мечтою хранимый.

Ты так никогда не любил,
Я счастлива так не бывала...

2.

Ночь сменила день труда.
Над приливом и отливом
Знаком темно-горделивым
Начерталось: Никогда.
Но не верь. Я видел...
Пробежали в космах бледных
Черной ночи трубачи.
Разбросав седые пятна,
Заломили руки Дня.
И стоит он — необъятный,
Бездыханный, без огня.

Розоперстый! Где твой пламень?!
На пустынном берегу
Дремля, «плачет серый камень»,
В заколдованном кругу.

30 мая.

3.

Безрадостна бывает грусть,
Как тополь, в синеву смотрящий.
О, да, я знаю паузист
Ее туман непреходящий.

4.

Я живу в одинокой сторожке.
За лесами — крыши деревни.
Но призыв колокольни древней
Весь — в моем слуховом окошке.

5.

Ночью пыльной легла
Девушка в белый гроб.
Ночью встала белая мгла,
Никто не расслышал слов.
В словах шелестела муть,
На словах почивала сонь.
Только призраком белый конь
Мог в тумане гривой взмахнуть.
И означился в небе растворенном
Проходящий шагом ускоренным
В голубом, голубом
Закрывается щитом.
Тогда кто-то встал за столом
И сказал: Самовар!
Принесли паровое золото,
Расставили белые чашки
И стали хлебать и гордиться.

6.

Весны веют, шумят и пылят,
 И в магической глуби зажжен
 Ты горшишь, электрический взгляд
 Городов и веселых времен.
 Над волною событий плыву,
 Погружусь ли в твой траур, земля,
 Или праздничный бег корабля
 Унесет в синеву?

7.

Так печальна была стена,
 Что лампадка гасла у врат.
 Так разгульна была весна,
 Что горел монахини взгляд.

8.

Осень, утро дней высоких,
 Кто уловит твой полет?
 Кто из юношей стооких
 Кубок выпьет — и швырнет.
 Осень буйств, година хмеля,
 Сбор плодов, и шум воды...

9.

Свободны дали. Небо открыто.
 Смотрите на нас, планеты.
 Как наше веселое знамя развито,
 Вкруг каждого лица — круг из света.

Нам должно точить такие косы,
..... такие плуги,
Чтоб урошить все слезные росы,
Чтоб с кровью вскрыть земляные глубины.
Друзья! над нами лето, взгляните —
Безоблачен день, беззакатно светел
И солнце стоит высоко — в зените,
И утро пропел давно уже петел.
Мы все, как дети, слепнем от света,
И сердце встало в избытке счастья.
О, нет, не темница — наша планета:
Она, как солнце, горит от страсти!
И Дева — Свобода в дали.....
Открылась всем — не одним пророкам!
Так все мы равные дети вселенной
Любовники Счастья.

1906 год.

НАБРОСКИ.

1.

Пусть и над городом встанет
Стадо вечернее. Пусть
Людам предстанет в тумане
Золоторунная грусть.
Но высоко — в изумрудах
Облаки - овцы бредут.
В тихих и темных запрудах
Их отраженья плывут.

2.

ДЕВЕ РЕВОЛЮЦИИ.

О, дева, иду за тобой —
И страшно ль идти за тобой
Влюбленному в душу свою,
Влюбленному в тело свое?

19 августа.
Малиновая гора.

3.

Ты с вершин печальных гор
К нам сошла пропеть и сгинуть
И опять с вершины кинуть
Искрометный свой костер.

Так пройди же в пляске быстрой
Радость, горняя гроза!
Чтобы искра вслед за искрой
Сожигала нам глаза!

4.

Как наши окна были близко!
Я наблюдал, когда она
Задумчивая, в кресле низком,
Смотрела в небо из окна.
Когда молилась или грустила,
Была тиха или весела,—
Все предо мною проходило,
И жизнь моя была светла.
И что теперь! Из тучи душевой
На небесах забил набат
И в окнах девушки воздушной
Запрыгал, заметался град.
И я услышал голос шумный
И, подойдя к окну, внимал
И голос воли безраздумной
В весенней песне угадал.

5.

Маска! Откройся!
Я другую за тонкую талию
Обнимаю и мчусь по блистательным залам,
Ослепленный сверкающим балом...
Ты бежишь от меня, пропадая за далью.
И горят миллионами свечи,
Ты с другим в ослепительной паре
Предо мною несешься — куда?
О, все женщины помнят о встрече,
Не забудут ее никогда.

Ты явилась тогда на вечернем троттуаре.
... продавалась ли ты?
Кто тогда, восхищенный, провидел
За густою вуалью иные черты?
Кто тебя, как блудницу, обидел?
Кто до звездной тебя возносил высоты?
Или кто-нибудь жалкий и слабый
Только женщину понял в тебе?
Но ведь ты засмеяться могла бы,
Ты могла не склониться к мольбе,
Ты звездою над нами возшла бы.

1907 год.

Меня пытали в старой вере.
В кровавый просвет колеса
Гляжу на вас. Что взяли, звери?
Что встали дыбом волоса?
Глаза уж не глядят — клоками
Кровавой кожи я покрыт.
Но за ослепшими глазами
На вас иное поглядит.

27 октября.

1909 год.

НАБРОСКИ.

1.

Я прихожу к тебе не дважды,
И нет, и нет возврата мне.
Но можешь видеть вечер каждый
Меня в долинах на коне.
Вернешься ль ты...

И (ль) вовсе не вернешься ты?
Иль я забыт, и длинный свиток
Моих страстей, моих тревог
Прибьет палач небесных пыток
На перекрестке трех дорог.

2.

Хрустальный твой бокал — и буря
За чернотой цветных портьер.
И вся дрожишь, глаза сощурия,
Ты, соплеменница пантер.
Мы ничего уже не скажем —
Все сказано — и вышит яд.
Еще за шелковым корсажем
Две розы желтые дрожат.
Не знаю, кто ты и откуда
И не хочу — ты видишь — знать.
О, если б только можно было
Разбить хрусталь....
О, если б ты не полюбила....

1911 год.

Правдивы вы — и без прикрас,
Стихи печальные поэмы! —
Да, слишком ярко помним все мы,
Как зло обманывали нас.
Мы, современшые поэты,
За вас, от вас тоскуем вновь,
Храня священную любовь,
Твердя старинные обеты!
Пусть будет прост и скуден храм,
Где небо кроют мглою бесы,
Где слышен хохот желтой прессы,
Жаргон газет и визг реклам,
Где под личиной провокаций
Скрывается больной цинизм,
Где торжествует нигилизм —
Беспольный спутник «стилизаций»,
Где «Новым Временем» смердит,
И хамство с каждым годом — пуще,
Где полновластны, вездесущи
Лишь офицер, жандарм и жид,
Где память вечную Толстого
Стремится омрачить жена...
Прочь, прочь! Душа жива — она
Полна предчувствием иного!
Поют подземные струи,
Мерцают трепетные светлы...
Но — помни Тютчева заветы:
«Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои».

1917 год.

НАБРОСКИ.

Вот что я пробовал в конце 1917 (вихрь зацветал).

1.

И плыл и плыл
Затерян в снах
Души скудельной
Тоски смертельной
Бросаясь в вихорь вихревой
Всадник мне навстречу
Смерть, смерть, смерть, смерть
Женщина на лошади — в пруд
И каждая вена чернеет
Весной. . . .
Из фонтана всем телом дрожа...

2.

В своих мы прихотях невольны,
Невольны мы в своей крови.
Дитя, нам горестно и больно
Всходить по лестнице любви.
(Сребристый) месяц, лед хрустящий,
Окно в вечерней вышине,
И верь душе, и верь звенящей
И верь натянутой струне.
И начиная восхождение
Мы только слышим без конца
пенье
лица

1918 год.

* *
* *

✓ Мы были вместе, помню я...
Ночь волновалась, скрипка пела...
Ты в эти дни была — моя
Ты с каждым часом хорошела...
Сквозь тихое журчанье струй,
Сквозь тайну женственной улыбки
К устам просился поцелуй,
Просились в сердце звуки скрипки...

* *
* *

Я был влюблен. И лес ночной
Внушал мне страх. И я дичился
Болот, одетых белой мглой,
И конь, пугливо, сторонился.

Так мало лет прошло с тех пор,
А в сердце — пусто и бездольно,
Когда въезжаю в темный бор
Ночной порой, — мне только больно.

НАБРОСКИ 1918 года.

I.

Русский бред.

Зачинайся, русский бред...
...Древний образ в темной раке,
Перед ним — подлец во фраке,
В лентах, звездах и крестах...

Воз скрипит по колее,
Поп идет по солее...
Три в автомобиле...

Плач заказан, снов не свяжешь,
Бредовым...

II.

Шум смерти.

Цыганка, стиснув зубы и качаясь,
поет «для них».

Я вошел туда. Толпа гудела.
На эстраде,
Стиснув зубы и качаясь, пела
Старая цыганка о былом.
В голосе гортанном и гнусавом
Я услышал тот степной напев,
И опять

Стиснув зубы и сложивши руки
И качаясь, также погляжу,
И припомнив молодость от скуки
приворожу

1919 год.

Песенка для Герардо.

(I акт «Рваного плаща» Сем-Бенелли.)

Карнавал, вертлявый бес,
В брюхо курице залез,
Курица в страхе
Жалуется папе!
Папа взял сухой сучек,
Покропил водой стручек,
Курица проглоти,
Кардинала отпусти!
Сдуру курица взяла,
Проглотила — померла...
Карнавал прозевал,
Вместе с нею подыхал...

Август.

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ.

I. *Ария для кантаты Ю. Шапорина* (после 2-го).

(Невеста ждет жениха.)

Я живу в отдаленном скиту
В дни, когда опадают листья.
Выхожу и стою на мосту
И смотрю на речные цветы.

И смотрю за туманы и гарь,
Как из той из туманной дали
Чередой потянулись, как встарь,
Гуси, лебеди, да журавли...

Дайте вольные крылья свои,
Гуси, лебеди, да журавли...
Ах, когда на призывы мои
Он вернется из дальней дали?

Боже, в черные ночи и дни
Ты храни жениха моего,
Упаси ты от вражьей стрелы,
Сохрани ты от сабли его...

3 ноября.

II. *Хор татар для кантаты* (после 1-го).

Идут века...
Бежит река...

Земля тяжба, черна, пусты поля...

Шумят пиры...
Трещат костры...

Гудит вдали, кружит в пыли, дрожит земля...

И жар костров
В разгар пиров —
И дальний зов — на бой — на бой — рази врагов!
В лязге сабель, в ржанье коней, в блеске брони
За сраженным, за сметенным — в погоню,
в погоню, в погоню!

Мечи стрелу в ночную мглу!..
Добей врага, гони, лети, скачи!..
Рази, руби, коли, стегай, хлещи!..

14 ноября.

ПЕСЕНКА ДЕЗДЕМОНЫ.

(Для Большого Драматического Театра.)

В тени сикоморы душа, изнывая...

Поют про зеленую иву...

Рука на груди, на коленях другая...

Поют про зеленую иву, про иву, про иву...

Бежали ручьи, отвечали томленьям...

Поют про зеленую иву, про иву, про иву...

Соленые слезы смягчали каменья...

[Отложи это]

Поют про зеленую иву, про иву, про иву...

[Пожалуйста, уходи отсюда, — он придет].

Про иву, про иву, она мне — зеленый венок.

Пусть он от людей не увидит прощенья, —

Мне мил его гнев и понятно презренье...

[Нет, это не то... Послушай! Кто стучит?].

[Эмilia. Это ветер.]

Неверным звала я... а он говорил...

Поют про зеленую иву, про иву, про иву...

Люби ты мужчин, как я женщины любил...

Ноябрь.

НАБРОСОК 1919 года.

Есть одно, что в ней скончалось
Безвозвратно
Но нельзя его оплакать
И нельзя его почитать,
Потому что там и тут,
В кучу сбившиеся туно
Толстопузые мещане
Злобно чтут
Дорогую память труна —
Там и тут,
Там и тут...

Так звени стрелой в тумане
Гневный стих и гневный вздох...

8 апреля.

Приложение.

**ПОМЕТКИ АЛ. БЛОКА
В ТЕТРАДЯХ СТИХОВ.**

Тетради стихов А. Блока, в особенности — ранние, испещрены его собственноручными пометками, относящимися к 1918 г. и представляющими, по нашему мнению, значительный интерес. В этом приложении мы и приводим их текстуально, воздерживаясь из экономии места от, каких-либо комментариев.

ТЕТРАДЬ СТИХОВ 1897 — 1900 гг.

На первой странице написано: «Хронологический указатель (220 стих. 1897 — 1900 (апрель) годов). Составл. XI. 1913».

На обороте этой страницы: «17 (4) VIII. 1918. Перед этим были стихи в «Вестнике».

*
*
*

В самом хронологическом указателе имеются следующие пометки:

— Над «Поэмой» (Старый розовый куст... стр. 9 наст. изд.) написано: «Жуковский».

— Против стих.: «Она молода и прекрасна была», «Одиноко плыла по лазури луна» (стр. 16 наст. изд.), «Странно: мы шли одинокой тропой» (стр. 17 наст. изд.), и «Ты просишь ответа» (стр. 60 наст. изд.) написано: «Очень важно»; против стих. «Мрак. Один я...» «Вхожу на верх тропой», «Немало времени прошло», «Счастливая пора, дни юности мятежной» (стр. 35 наст. изд.), «Идеал и Сириус» (стр. 18 наст. изд.), «В моей душе больной» (стр. 19 наст. изд.), «Я зол и слаб», (стр. 45 наст. изд.), «Опять я еду чистым полем», (стр. 46

наст. изд.), «Ты, может быть, не хочешь угадать» и «Устал я. Смерть близка» (стр. 67 наст. изд.) написано: «Важно: против стих. «Ты хочешь знать мировоззренье» (стр. 31 наст. изд.) — «Очень важно» (уже «демонизм»); против стих. «Надежды трепетной моей» (стр. 42 наст. изд.) — «важно» (отнош. к иск.); против стих. «Настал желанный час» (стр. 51 наст. изд.) — «важно» (намек на человеческое); против стих. «Плоды неизведанной страсти» (стр. 57 наст. изд.) — «интересно»; против стих. «Мне странно: столько долгих лет» (стр. 63 наст. изд.) — «хороший конец»; против стих. «Мне страшно. Чую приближенье» (стр. 64 наст. изд.) — «Очень важно. Какая-то грань»; против стих. «За краткий сон...» — «Интересная мысль».

— Против даты «1899 г.» написано: «Год шире и светлее предыдущего».

— Против стих. «Я опять на подмостках» (стр. 59 наст. изд.) — «Вероятно, тогда я играл в зале Павловой и пр.».

— Против стих. «От века люди служат богу» (стр. 62 наст. изд.) — «Признаки богоборчества».

— Против стих. «Я умираю. Ты расцветала» — «Началась настоящая мистика (предчувствие 1901) и осеннего Платона». Осенью этого года А. Блок занимался Платоном.

— Против стих. «Одинок пыла по лазури луна», (стр. 16 наст. изд.) и «Странно: мы шли одинокой тропой» (стр. 17 наст. изд.) — «уже двойтсся» («Любовь» и страстная жизнь» 1903.)

— На обороте первой страницы хронологического указателя — «Дневники лета 1898 (и, кажется, позже) — уничтожены мной».

— Над стих. «Она молода и прекрасна была» и «Одинок пыла по лазури луна» (стр. 16 наст. изд.) написано: «Л. Д. М. (первое)?» Любовь Дмитриевна Менделеева — будущая жена поэта; над стих. «Странно: мы шли одинокой тропой» (стр. 17 наст. изд.), «Я шел во тьме», «Идеал и Сириус» (стр. 18 наст. изд.), «Я стремлюсь к роскошной воле», «Ты, может быть,

не хочешь угадать», «Как мучительно думать о счастье», «В ночной тиши» (стр. 20 наст. изд.) «Душа моя тиха», «Давно, давно воспоминашь...», «Без веры в бога, без участия», «Есть в дикой роще», «Я и без веры живой» (стр. 22 наст. изд.) «Мне снилась смерть любимого созданыя», «Musset» (из Мюссе), «Вхожу на верх тропой», «Надо мной гроза гремела» (стр. 23 наст. изд.), «Моей красавице - дарице» (стр. 23 наст. изд.), «Офелия в дветах, в причудливом уборе» (стр. 24 наст. изд.), «Когда я вспоминал», «В болезни сердца мысля о тебе», «Просясь с днем», «Я думал, что умру сегодня», «На вечере, посвящ. Л. Толстому», «Мне снилась снова ты», и «Немало времени прошло» написано: «Л. Д. М.»; против стих. «В море одна лишь волна — быстротечная» (стр. 19 наст. изд.), — «Л. Д. М.?»; против стих. «Что будет в сердце, в мыслях и в уме» (стр. 20 наст. изд.) — «Л. Д. М.» и «призраки»; против стих. «Душа моя тиха» — «Вы», а против стих. «Без веры в бога, без участия», — «Ты». Обе пометки, очевидно, относятся к Л. Д. Менделеевой; против стих. «Что из того, что на груди портрет» (стр. 23 наст. изд.), «Мрак. Один я...» и «Что, красавица, довольно ты дарила» (стр. 25 наст. изд.) написано: «Л. Д. М. и К. М. С.» К. М. С. — Ксения Михайловна Садовская — раннее увлечение Ал. Блока (см. биографию М. А. Бекетовой, стр. 55 — 57); стих. «Писать ли Вам, что тайный пламень» (стр. 26 наст. изд.) и «Шепчутся тихие волны» (стр. 27 наст. изд.) отмечены знаком вопроса.

— Против стих. от начала июня 1899 г. написано: «Ездил в Боблово (в телеге). Потом — прекратил. Пошли Кант. (?), ист. филос. Приехала Катя Х. (мелодекламация при луне). В Дедове (Серезжа, спектакль, Маруся К. С Серезжой в Трубицыне. «Мысли о ней сквозь все». Боблово — имение Менделеевых. Катя Х. — Екат. Евг. Хрусталева, родственница отчима поэта. Дедово — имение А. Г. Коваленской. Серезжа — Серг. Мих. Соловьев, поэт, ранний друг Ал. Блока. Маруся К. — Мар. Викт. Коваленская, внучка Ал. Григ. Коваленской.

* * *

Под стих. «Ты много жил, я больше пел» (Б. Гуну) написано: «Зачем-то пробовал переделывать конец (в 1915)».

* * *

Под стих. «Ты дышешь жизнью» (стр. 12 наст. изд.) написано: «Кому это? — Не помню».

* * *

В тексте стих. «По темному саду брожу я в тоске» (стр. 13 наст. изд.), перед строкой «Но мыслью холодной я ум полонил» написано: «Тут, кажется я рисовал вопросы на заборе за пригорком у дальней аллеи (?)».

* * *

На полях стих. «Мрак» («Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне») написано: «Этот пошлый конец прибавлен, когда я думал о «Пламени». «Пламя» с тех пор стало лучше (VIII. 1918)».

«Пламя» — журнал выходивший в Петрограде в 1918—1919 гг. Под концом Ал. Блок, очевидно, имел в виду следующие две строчки, написанные им в мае 1918 года:

Только месяц выйдет — выйдет, не обманет,
Только солнце встанет, сердце — солнце встретит...

* * *

Под стих. «Скажи мне, Лигия...» (стр. 15 наст. изд.) написано: «Кажется после знакомства с Л. Д. М. Потому прония».

* * *

«Под стих. «Долго искал я во тьме лучезарного бога» (стр. 16 наст. изд.) написано: «Пошлый и франтящий молодой человек приехал с тетей к тете Соне. Однако, это правда — и до сих пор (VIII. 1918)».

* * *

Под первой строфой стих. «Странно: мы шли одинокой тропой» (стр. 17 наст. изд.) написано: «Втроем с Ваней в Манулиху и назад через Семичево». Валя—И. Д. Менделеев. Манулиха — лес Менделеевых. Семичево — деревня близ Боблова.

* *

Над стих. «Одинок пыла по лазури луна» (стр. 16 наст. изд.) написано: «Тени уже скрестились».

* *

Под стих. «Габор шел. Вверху сверкали звезды» (стр. 19 наст. изд.) написано: «Проба стихов «настоящих», где «описывается природа и быт», вообще — «картины».

* *

Под стих. «Из Мюссе» (Открою-ль дерзновенный) написано: «Состязание с тетей». Тетя — М. А. Бекетова; ее перевод этого-же стихотворения вклеен в тетрадь.

* *

Под стих. «Луна проснулась. Город шумный...» написано: «Кажется, мы в последний раз встретились с К. М. С. (?)».

* *

На полях стих. «Писать ли вам, что тайный пламень...» (стр. 26 наст. изд.) — «Кажется, важно. Плохо помню (стар.)».

* *

На полях стих. «Гамаюн», птица вещая» — «За это — В. П. Острогорский ругал».

* *

В стих. «Счастливая пора, дни юности мятежной!» (стр. 35 наст. изд.) в строках 4 и 8 подчеркнуто слово «усталый» и против них на полях написано: «болезнь».

* *
*

Под стих. «Я помню вечер. Шли мы розно» (стр. 41 наст. изд.) — «Ничего такого не было».

Под стих. «Еще воспоминание» (стр. 46 наст. изд.) — «Кажется, именно тогда я не ездил в Боблово (перестал ездить). Ездил тогда в телеге (верхом было пельзя)».

* *
*

В стих. «Я зол и слаб. Земное море...» (стр. 45 наст. изд.) в строке 4 подчеркнуто слово «разгром» и на полях против него написано: «Это Debasle?».

* *
*

Под стих. «Накануне Иванова дня» (стр. 47 наст. изд.) написано: «Кажется, был такой сон».

* *
*

На полях стих. «Черная Дева» написано: «Кажется из Нивы» и ниже: «определявал в 1912 г.».

* *
*

В стих. «Дышит утро в окошко твое» первоначально 3 и 4 строки читались так:

Пролетают забытые сны,
Воскресают виденья весны.

Затем они были зачеркнуты и против них на полях написано: «Фет.» (заметка А. В. Г-са). А. В. Г-с — Ал. Вас. Гиппиус.

* *
*

На полях стих. «К ногам презренного кумира» написано: «Смеяться».

* *
*

Стих. «Помнишь ли город тревожный» посвящено m-me С. Под посвящением в тетради значится: («тетя С.—кто это?»)

спрашивал Виша Грек)». М-ше С. — К. М. Садовская. Виша Грек—В. В. Грек, товарищ детства Ал. Блока, затем—офицер Гренадерского полка.

* * *

Три звездочки посвящения стих. «Я говорил при вас с тоской» (стр. 57 наст. изд.) раскрываются карандашной пометкой под ними—«Е. Е. Х.»—это Екат. Евг. Хрусталева.

* * *

На полях стих. «Не легли еще тени вечерние» против 2—3 строки написано: («пис. А. В. Гиппиус»). Замечание относится к пометке «Фет», принадлежащей А. В. Гиппиусу.

* * *

Над стих. «Ты, вечно юная! О, нет!» (стр. 65 наст. изд.) написано: «К. М. С.? Смутно помню (1913)».

* * *

На полях стих. «О, наконец! Былой тревоге...» (стр. 66 наст. изд.) написано: «Песня за стеной».

* * *

Над стих. «Вот они, грустные, полные страсти...» (стр. 65 наст. изд.) написано: «Старые письма».

* * *

Под стих. «За краткий сон, что нынче снится...» написано: 18 января 1919 (убит К. Либкнехт)».

* * *

Над стих. «В часы недавнего паденья...» (стр. 71 наст. изд.) написано: «К. М. С.?».

* * *

Под посвящением («Посв. Х») стих. «Восходишь ты, что строгий день...» написано: «вероятно, после встречи на Лире (Сальвини)».

* * *

На задней крышке переплета с внутренней стороны написано: «Обложка бабушкиной новой тетради. Она мне подарила».

ТЕТРАДЬ СТИХОВ 1900—1902 гг.

На обороте титульного листа написано:

Он имел одно виденье,
Непостижное уму.

* * *

Над стих. «Есть много песен в светлых тайниках», написано: «Февр. 1914. «Рукою мастера». Пометка относится, конечно, к исправлениям этого стихотворения.

* * *

Над стих. «Бежим, бежим, дитя природы...», написано: «пробовал переделать для детей. VI. 1916».

* * *

Над стих. «На небе зарево...», написано: «Березовая роща, Дубровка (вырублена)».

* * *

Под стих. «То сон предутренный сошел...», написано: «Это — в пользу стиха и в ущерб существу. При втором изд. не допускать этого (1910)». А. Блоком имеются в виду исправления этого стихотворения в строках 1—4. В первоначальной редакции они читались так:

То сон предутренный сошел,
И весь в порыве пробужденья
Бессмертный дух на миг обрел
Давно прошедшее виденье.

Перед этими стихами первоначально была еще одна строфа, в печатный текст не вошедшая. Она читалась так:

То отголосок юных дней
В душе проснулся, замирая.
И в блеске утренних лучей
Казалось ночь была немая.

* * *

Над стих. «Я никогда не понимал...» (стр. 80 наст. изд.) написано: «После концерта Пашенки (Парсифаль)».

* * *

Под стих. «Я вышел. Медленно сходили...», написано: «Гулянье по Монетной».

* * *

Над стих. «Все бытие и сущее согласно...» написано: «Нитцшеанское».

* * *

Над стих. «Кто-то шепчет и смеется», написано «Мне друг Джессина факелоносцем будет!».

* * *

Под стих. «Наступает пора небывалая...», значится:

«Вл. Соловьев:

Поглотило стремленье безбрежное
Роковой беззаветной любви.

* * *

Над стих. «Ты горишь над высокой горюю...», написано: «Термин: «круг» придется оставить».

* * *

Под стих. «Все бесконечней, все хрустальной...» (стр. 87 наст. изд.) написано: «Что-то неясное очень — бледное, очевидный упадок напряжения — в связи с приездом гостей? (Сергеи С.?) IX. 1918». «Сергея С.» — С. М. Соловьев.

* *
*

Под стих. «На рассвете» написано: «Поправляя под освободительное движение весной 1907 года».

* *
*

Стих. «Я бремя похитил, как тать...», «Медленно в двери церковные...», «Восходя на первые ступени...». «Я ли пишу или ты из могилы...», «Жду я холодного дня...», «Я могуч и велик ворожбаю...» имеют пометку «р. I.», т.е. post lucem. Это — условная формула для обозначения стихотворений, написанных после посещения Боблова.

Стих. -же «Скрипнула дверь...», «Ночью вьюга снежная...», «Черты знакомых лиц...» — «а. I.», т.е. ante lucem, до посещения.

* *
*

Над стих. «Ты совершил над нею подвиг трудный...», значится: «Стихотворение посвящено моему другому «я»; под ним: — «(Ночью)».

* *
*

Под стих. «Я укрыт до времени в приделе...», значится: «Мятели — здесь необходимо сохранить это написанное в противополож. Снежной Маске (1910)».

* *
*

Под стих. «Уходит день», значится: «Университет. Лекция Соболевского».

* *
*

На полях стих. «Сны раздумий небывалых...», написано «Свободно ли от декадентства?», и под этим — «Ibis с накл. к просветл. Но — еще смерть личная».

* *
*

Под стих. «Я и мир — снега, ручьи...», написано: «В ужасе — накануне экзамена Соболевского».

* * *

Над стих. «Ты не не ушла...» — «NB — важно».

* * *

Под стих. «Мы истомились в безмерности...» (стр. 100 наст. изд.), написано: «Гроза — шахматовское окно было открыто».

* * *

Над стих. «Сбежал с горы и замер в чаше...», значится: «О. М. Соловьевой (не печатать)». Но оно было напечатано во II изд. «Стихов о Прекр. Даме».

* * *

Под стих. «Как сон, уходит летний день...» (стр. 103 наст. изд.), написано: «Около горки. Ниже, дальше от усадьбы». Поэт имеет в виду склон около Шахматова.

* * *

На полях стих. «Случайному», значится: «сделать так, что себе самому (XI. 1915). Или — это она говорит мне».

* * *

В стих. «Передо мной — моя дорога...», «Он» (в 9 строке) отмечено крестиком и под стих. написано: «Он — как безразличное, — не мужественное».

* * *

Под стих. «Проходят сны и женственные тени...», (стр. 96 наст. изд.) написано: «Ботанический сад».

ТЕТРАДЬ СТИХОВ 1902 — 1903 гг.

Под стих. «Никто не умирал. Никто не кончил жить», написано: «Мистический скептицизм (возврат!)».

* *
*

В стих. «Мой символ, мой знак наметить...», против зачеркнутых строк:

Кто не знал вчерашнего содроганья, —
Тот сегодня далек от меня! —

написано: «Декад. принципы».

* *
*

Под стих. «Ты из шопота слов родилась...», значится: «Тогда же сочинены «Поэты» (см. лето 1908). (Пришли в голову летом в В. Naufheim'e — и оправдались). Наброски «Поэтов», сделанные в 1903 году, помещены на стр. 111 наст. издания.

* *
*

На полях стих. «Горит мой день, буди ответы...» первоначально напечатанного в № 3 московских сборников «Юность» за 1907 г., написано: «Юность», 1907, № 3 (в № 4 — отвратительно воспроизведен мой портрет — «стилизированный!»).

* *
*

Стих. «Испуганный» (Сижу за ширмой...) имеет подзаголовок: «Иммануил Кант».

ТЕТРАДЬ СТИХОВ 1904 — 1905 гг.

Против заголовка стих. «Сытые», написано: «(скверное стихотворение)».

ТЕТРАДЬ СТИХОВ 1905 — 1907 гг.

В стих. «Вербочки» имеются две строфы, не вошедшие в печатный текст (3-я и 4-я). Они читаются так:

И на сонной улице
За углом целуются
Невеста и жених.

Огонек, не гасни-ка,
Быть бы нам у праздника,
Не взглянуть на них!

Эти строфы зачеркнуты, и против них Ал. Блоком написано: «не синодально».

ТЕТРАДЬ СТИХОВ 1909 — 1912 гг.

Под стих. «В Венеции» написано: «Уничтожены Вяч. Ивановым, 6 X». Это замечание относится в двум последним строкам стихотворения, не имеющимся в печатном тексте, которые по рукописи читаются так:

И, став над морем почернелым,
Где волны пенные гудят,
Царевна с серебристым телом
Творит полуночный обряд.

Мне не избежать доли мрачной —
Свое паденье признаю:
Плясунья в тунике прозрачной
Лобзает голову мою!

* * *

Против заголовка стих. «Перуджия», имеется пометка: «! На каком это языке!?!». Пометка, очевидно, относится к эпиграфу — «carita, justicia, fide. (Слова девушки)». Недаром его нет в печатном тексте.

* * *

Против заголовка стих. «Авиатор» написано: «(памяти Смита, погибшего на моих глазах весной 1911 г. на Колум. аэродроме)».

* * *

Стих. «Сонет» имеет список: «Изукрашенный по дикарски (Пяст)».

ТЕТРАДЬ СТИХОВ 1915 — 1916 гг.

В поэме «Соловиный сад» против строфы —
И звенели, спадая, запястья;
Мне в объятиях открылся иной,
Чуждый край незнакомого счастья
И вознес над убогой мечтой —

написано: «переделать все-таки еще раз (мамнина редакция)». Как известно в окончательной редакции поэмы эта строфа читается так:

Чуждый край незнакомого счастья
Мне открыли объятия те,
И звенели, спадая, запястья
Громче, чем в моей нищей мечте.

* * *

В конце тетради имеется следующая запись:

«Всего с 1897 по 1916 — 1329 стих. (?). По 1903 (вкл.) — 687.

9 тетрадей: Стихотворений: I—220, II—363, III—104, IV—202, V—96, VI—80, VII—109, VIII—109, IX—46». От годов после 1916 осталась еще одна, — десятая тетрадь, в которой записано 11 стихотворений и поэма «Двенадцать».

П Р И М Е Ч А Н И Я.

В этот том вошли неопубликованные при жизни А. А. Блока стихотворения 1897 — 1919 гг., извлеченные нами, главным образом, из 10 тетрадей беловых списков его стихов. Это — главный источник. Из них взяты все стихотворения, источник которых не оговорен особо в примечаниях.

Но, кроме того, нами использованы черновики, дневники, записные книжки, книги из библиотеки поэта и некоторые из его писем, давшие в свою очередь, и несколько законченных стихотворений и ряд интересных набросков. Каждый из этих источников везде точно указывается.

Неиспользованными остались, таким образом, только часть его переписки, в которой вряд ли могут оказаться неизвестные стихи, а также те стихотворения, которые включены самим поэтом в дневник 1901 — 1902 гг. и понятны только в контексте этого дневника. Опубликованию их еще не пришло время.

Не желая загружать текста мелкими вариантами и слишком сырыми набросками, мы печатаем только цельные, вполне законченные стихотворения и более или менее оформленные наброски, оставляя в стороне варианты и разночтения.

Таким образом, все стихотворения даются в последней редакции. Исключения — единичны и мы их допускаем только в особенно характерных случаях.

Вообще, история текста стихотворений А. Блока в этом издании остается вне поля нашего внимания.

Что касается порядка помещения стихотворений, то он точно согласуется с хронологическим указателем, составленным самим поэтом. Ему же принадлежат и датировки.

Вряд ли следует указывать, что наши тексты точнейшим образом соответствуют оригиналу. Нам пришлось только перевести их на новую орфографию.

Всего в настоящем томе 195 законченных стихотворений и 75 набросков.

К стр. 8. С. П. Левицкая — жена одного из офицеров Гренадерского полка, певица.

К стр. 15. Стихотворение «Муза, в уборе весны молодой...», коренным образом переработанное в апреле 1918 г., в новой редакции было напечатано в «Записках Мечтателей», 1919 г., № 1.

К стр. 20. Стихотворение «В почтой тиши, когда уснет тревога...» подверглось двойной переработке—1 марта 1918 г. и 2 июня 1919 г. В новой редакции напечатано в альманахе З. П. Гржебина, изд. 1919 г.

К стр. 21. В переработанной от 24 декабря 1914 г. редакции стихотворение «Есть в дикой роще, на краю оврага...» было помещено в «Северных Записках» 1915 г., кн. II.

К стр. 24. Стихотворение «Офелия в цветах, в причудливом уборе...», переработанное в 1913—1914 гг., напечатано в новой редакции в «Северных Записках» 1915 г., кн. II.

К стр. 26. Стихотворение «Прощаясь с днем...» подверглось коренной переработке в июле 1916 г. и в новой редакции было напечатано в «Детском Альманахе» изд. «Творчество», 1917 г.

К стр. 30. Стихотворение «Река несла по ветру льдины...» было переработано и дополнено в 1918 г. В новой редакции напечатано в воронежском журнале «Сирена», 1918 г., № 1, под названием «Одиночество».

К стр. 32. «Этюды песен Офелии» в сокращенном виде (строки 1—8 и 17—20) под названием «Песня Офелии» были первоначально напечатаны в альм. «Корона», 1908 г. и затем во II изд. «Стихов о Прекр. Даме».

К стр. 33. Стихотворение «Воспоминание», переработанное в июле 1916 г., в новой редакции и без заглавия было напечатано в сборн. «Творчество», I, 1917 г. и в сборн. «За гранью прошлых дней», стр. 14.

К стр. 41. Вторая часть стихотворения «Люблю я вечер, без посвящения, вошла во II изд. «Стихов. о Прекр. Даме» и в позднейшие издания стихов Блока.

К стр. 42. Стихотворение «В этой дали бесконечной...» в значительно переработанном виде было напечатано в газ. «Приазовский Край», 1915 г., в журнале «Сирена», № 2—3, Воронеж, 1919 г., и затем вошло в сборн. «За гранью прошлых дней», стр. 15.

К стр. 66. Первая половина стихотворения «Пока спокойною стопою...» была напечатана во II изд. «Стихов о Прекр. Даме».

К стр. 70. Наличие цифры «II» под заглавием стих. «Осенняя элегия» объясняется тем, что под этим же назва-

нием под цифрой «I» имеется стихотворение «Медлительной
чредой исходит день осенний...», которое, как самостоятельное,
было напечатано во II изд. «Стихов о Прекр. Даме» (стр. 29).

К стр. 75. Стихотворение «К Музе», коренным образом
переработанное и дополненное 21 (8) мая 1918 года, в этой
новой редакции вошло в сборн. «За гранью прошлых дней»,
стр. 19—20 (без названия), а первые 8 строк стих. «Ярким
солнцем, синей далью...» в качестве самостоятельного стихотво-
рения вошли в т. III стихов Ал. Блока (стр. 29).

К стр. 74. Новый вариант стихотворения «О, не тебя
люблю так пылко, так глубоко...» написанный 10 апреля
1918 г., напечатан в сборн. «За гранью прошлых дней», стр. 21.

К стр. 73. Стихотворение «Хожу по камню старых
плит...» в коренной переработке от 2 января 1916 г. вошло
в сборн. «За гранью прошлых дней», стр. 25.

К стр. 76. Стихотворение «В ночи туманной и росистой...»
в новой редакции от февраля 1914 г. вошло в сборн. «За гранью
прошлых дней», стр. 34.

К стр. 79. Четверостишие «На юге Франции далекой»
написано А. Блоком на 194 стр. тома 24 полного собрания
сочинений А. Ф. Писемского.

К стр. 83. Шуточное стихотворение «Права русского
исторью» извлечено из письма А. Блока к его тетке М. А.
Бекетовой от 26 апреля 1901 г. Кауфман — профессор статисти-
ки на юрид. факультете Петерб. универс.

К стр. 84. Эпиграф. стих. «Не часто, не всегда...» в каче-
стве самостоятельного стихотворения был напечатан в «Зап.
Мечт.», 1919 г., № 1.

К стр. 91. Стихотворения «Туманы кроют берег отда-
ленный...» в тетрадах А. Блока нет. Оно сохранилось только
в собственноручной копии поэта, посланной им матери —
А. А. Кублицкой-Пиотух в 1902 г. С этой копии оно и вос-
производится в настоящем издании.

К стр. 92. Стихотворение «Успокоительны и чудны...»
записано Ал. Блоком на обороте обложки «Трех разговоров»
Вл. Соловьева, изд. III, 1901 г.

К стр. 101. Это стихотворение («Они идут туманные...»)
извлечено нами из записной книжки Ал. Блока № 1, охваты-
вающей записи июня — июля 1902 г.

К стр. 103. Варианты стихотворения «Сладко найти нам
звезду...» см. в набросках 1902 г., №№ 12 и 13 (стр. 110
наст. изд.).

К стр. 104. Стихотворение «Гашу огни моих надежд...»
извлечено нами из записной книжки Ал. Блока № 2, заклю-
чающей в себе записи от июля и августа 1902 года. Под

стихотворением даты не имеется, но так как и перед ним и после него находятся наброски, помеченные 13 августа, мы считаем возможным принять эту же дату и для стихотворения.

К стр. 106. Последняя строфа стихотворения «Передо мной — моя дорога...» в ином контексте была напечатана в газ. «Речь» от 23 марта 1908 г.

К стр. 108—111. Эти наброски извлечены нами из записных книжек А. Л. Блока за 1902 год (№№ 1, 2 и 3).

К стр. 115. Этого стихотворения («Разбухнут буря...») в тетрадах А. Л. Блока не имеется. Оно сохранилось только в его собственноручной копии, посланной матери в 1903 году вместе с другими стихотворениями. С этого списка оно и воспроизводится в настоящем издании.

К стр. 116. Это, не вполне законченное с формальной стороны, стихотворение («Я живу в пустыне...») извлечено из записной книжки А. Блока № 5 (весна и лето 1903 г.).

К стр. 117—121. Эти наброски извлечены из записных книжек А. Л. Блока №№ 4—6. Наброски под № 4 (стр. 119 наст. издания) были использованы А. Блоком в стих. «Поэты», написанном 24 июня 1908 года.

К стр. 125—131. Набросок № 1 заключает в себе 5 строф, которыми первоначально заканчивалось стих. «Светлый сон, ты не обманешь!» Они взяты нами из тетради стихов 1904—1905 гг. Наброски за №№ 2 и 4 извлечены из записной книжки А. Л. Блока № 8 (лето 1904 г.), а набросок № 5 — из записной книжки № 7 (зима 1903 — лето 1904 гг.). Наброском № 3 первоначально начиналось стихотворение «Дали слепы...». Набросок № 6 — из записной книжки № 9.

К стр. 128—131. Первый из этих набросков взят из записной книжки № 10 (январь — июнь 1905 г.); все остальные — из записной книжки № 11 (лето — конец 1905 г.).

К стр. 132—134. Эти наброски извлечены из записных книжек А. Блока № 12 (январь — август 1906 г.) и № 14 (август — октябрь 1906 г.).

К стр. 135. Это стихотворение 1907 г. извлечено нами из записной книжки А. Л. Блока № 17 (август — ноябрь 1907 г.).

К стр. 136. Эти наброски извлечены из записных книжек А. Л. Блока за №№ 26 и 28.

К стр. 137. Стихотворение извлечено из черновиков III гл. «Возмездия» (III редакция). В переработанном виде вошло в т. I собр. сочин. (стр. 86).

К стр. 138. Эти два наброска извлечены нами из дневника А. Л. Блока за 1918 г.

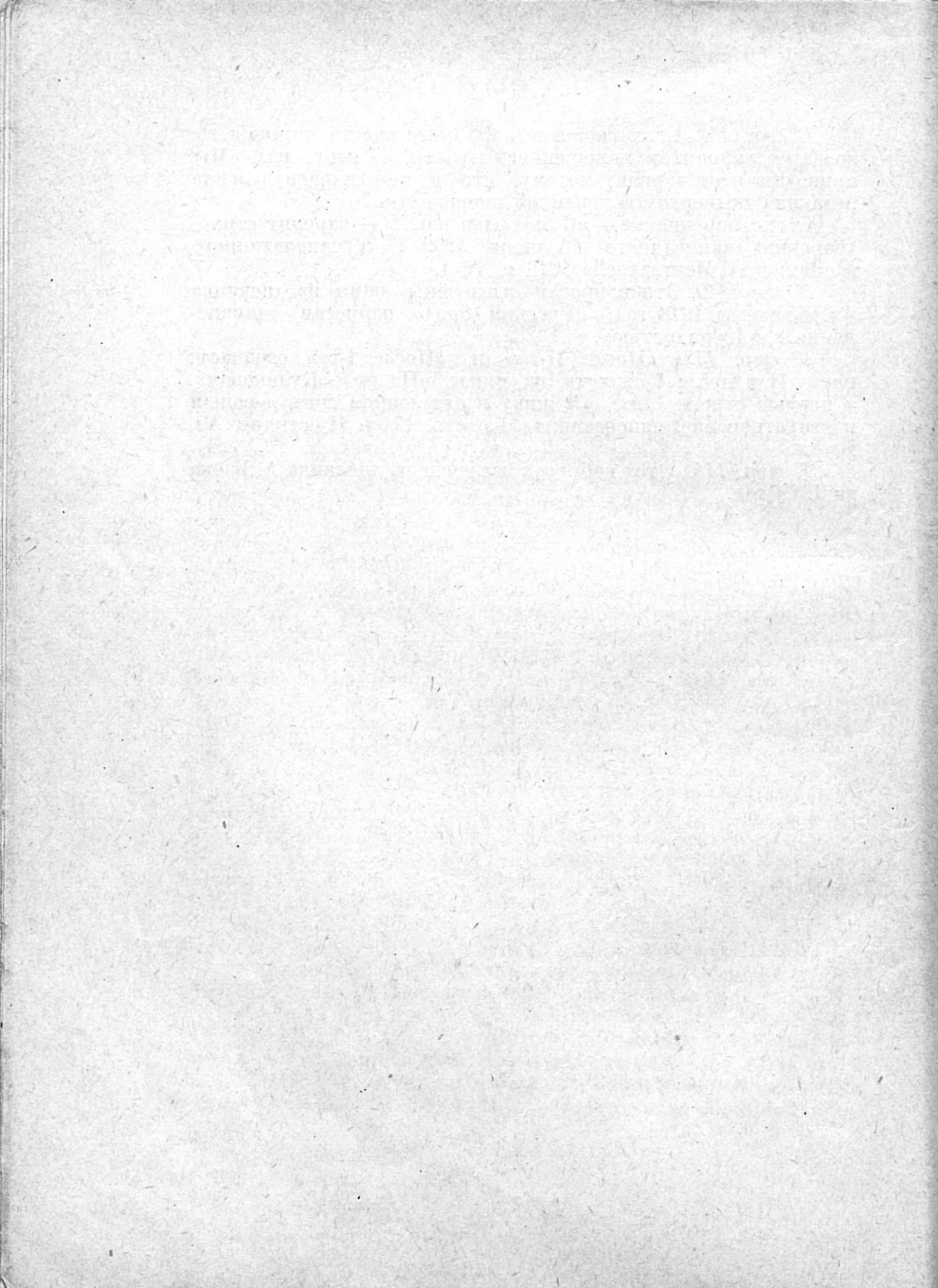
К стр. 159. Стихотворение «Мы были вместе, помню я...» является вариантом помещенного на стр. 35 наст. изд. Мы приводим этот вариант потому, что в нем первоначальная редакция подвергнута коренной переработке.

Стихотворение же — «Я был влюблен...» — вариант стихотворения, написанного 18 июня 1899 г. и напечатанного в «Записках Мечтателей» 1919 г., № 1.

К стр. 140. Эти наброски извлечены нами из дневника А. Л. Блока за 1918 год. «Русский бред» набросан одновременно с «Двенадцатью».

К стр. 142. «После II-го» и «После I-го» означает: после II и после I стихотв. из цикла «На поле Куликовом». 4 первые строки стих. «Я живу в отдаленном скиту» вошли в стихотворение, напечатанное на стр. 17 т. II стихов А. Л. Блока,

К стр. 144. Этот набросок извлечен из дневника А. Блока за 1919 год.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

УКАЗАТЕЛЬ СОСТАВЛЕН ПО ЗАГЛАВИЯМ СТИХОТВОРЕНИЙ
И ПО ИХ ПЕРВЫМ СТРОЧКАМ.

	Стр.
Аллегория (Бежали сны — сиял рассвет)	89
Баратынскому Е. А. (Тебе, поэт, в вечерней тишине) . . .	79
Бедная, клонись ты	104
Бежали сны — сиял рассвет (Аллегория)	89
Безрадостна бывает грусть.	129
Блаженно ты, былое время.	40
Блеклая роза печально дышала (Роза и соловей)	14
Близок миг моих восстаний.	112
Бог знает, может-быть и ты не поняла	109
Боги гасят небосвод	92
Боже, как жизнь молодая ужасна.	7
В глубоком саду я печально уснул	124
В Дельфийском храме новый бог (σοφια)	77
В день золотой, невозмутимый	121
Весна несла свои дары.	28
Весны веют, шумят и пылят.	130
Вечер мой в красном огне	110
Вечерний свет завтра снова	83
В жаркой пляске вакханалий	9
Взлетая к вышнякам, орел покинул доли	38
Видение (Розы в лазури)	86
Вложив безумство вдохновенный	78
В моей душе больной и молчаливой.	19
В море одна лишь волна — быстротечная	19
В ночи, исполненной грозой.	74
В ночи туманной и росистой	76
В ночной тиши, когда уснет тревога	20
Воспоминание (Ночной туман застал меня в дороге)	33
Воспоминанье жизни сонной (Молодость)	38

	Стр.
Вот знаки дня, когда восстану я	111
Вот они, грустные, полные страсти	65
В передзакатной позолоте	123
В своих мы прихотях невольны	138
Все бесконечней, все хрустальней	87
В седую древность я ушел, мудрец	77
Все настоящее шчтожно	30
Встали надежды пророка (Посвящение)	88
Встанет солнце за дальней горой	113
Всю ночь дышала злобой выюга	34
Всю ночь я слышу вздохн странные	96
В твоей струе погиб (В. N. Sprudel)	120
В те дни, когда душа трепещет (К Музе)	73
В тени сикоморы душа (Песенка Дездемоны)	143
В часы недавнего падения	71
Вчера я слышал песни с моря	82
В этой дали бесконечной	42
В этой мрачной гробнице	33
Гашу огни моих надежд	104
Где ты паришь теперь	68
Глаза младенчески открыты (Эскиз)	34
Глухая полночь. Цепененье	56
Глухая странность бытия	112
Голоса (Грустнее не бывали думы)	98
Голоса (Я— свободный глашатай веков)	105
Грустнее не бывали думы (Голоса)	98
Давно мы встретились с тобою	67
Две души (Напомнив призраки былого)	46
Дева Революции (О дева, иду за тобой)	132
Дельвигу (Ты, Дельвиг, говоришь)	34
День мой тускл.	126
Дитя! Твоим прозрачным словом	45
Для меня возможны все желанья	109
Для странных жребиев судьбы	108
Догорай, не узнавая	95
Долго искал я во тьме лучезарного бога	16
Дума (Одинокю плыла по лазури луна)	16
Если я вошел и крестился	123
Есть в дикой чаще, на краю оврага	21
Есть одно, что в ней скончалось	144
Есть чудеса за далью спней	93
Еще воспоминание (Опять я еду чистым полем)	46
Еще прозрачней станешь ты	127
Жизнь, как загадка, темна	11

	Стр.
Жрец и отрок — мне равны	114
Завтра рассвета не жди	83
Загадай и скройся в ночь	98
Заклинание (Луна взошла)	116
Замерла береговая песня	109
Занесен я снегами забвений	111
Зачинайся, русский бред (Русский бред)	140
Золотит моя страстная осень	107
Идеал и Сириус (Я долго странствовал по свету)	18
И доверяясь слепому азарту	127
Идут века (На поле Куликовом)	142
И пыл и пыл	138
Истомленный дыханьем весны	36
Исчезла, отлетела в высь	102
Исчерпать влажные мечты	112
Как душно мне! Открой окно	55
Как любовно сплетал-я тончайшую сеть	96
Как мимолетна тебь осенних ранних дней (Осенняя эле- гия)	70
Как наши окна были близко	133
Какой-то вышний серафим	61
Как сон, уходит летящий день	103
Карнавал, вертлявый бес (Песенка для Герардо)	141
К Музе (В те дни, когда душа трепещет)	73
К нашей родной старине	110
Когда-нибудь, несоро Вас я встречу	8
Когда смыкаешь ты ресницы	109
Когда я вышел, были зори	114
Конь мой белел у столба	126
Кто заметил огненные знаки	118
Луна взошла (Заклинание)	116
Люблю я вечер	41
Любовник, вышедший для брани	90
Маска! Откройся!	133
Меня бессонница томгла	47
Меня пытали в старой вере	135
Мерцали звезды. Ночь курилась	44
Милая дева!	40
Мне в душу просится былое	50
Мне сердце режет каждый звук	21
Мне странно	63
Мне страшно	64
Мне трижды дано воспрянуть	123
Много хотел я с тобой говорить	61

	Стр.
Моей красавице-дарице	23
Мои грехи тяжелее бед	122
Мои печальные порывы	54
Молодая луна родилась	49
Молодость (Воспоминанье жизни сонной)	38
Молчу и сумрачно гляжу	58
Мою гармонию большую	49
Моя душа — страна волшебных дум	37
Муза, в уборе весны молодой	13
Мы были вместе, помню я	139
Мы — задумчивые внуки	125
Мы истомились в безмерности	100
Мы оба влюблены в один и тот же сон	121
Мы устали	59
Мэри (Ты отличишь ее на пире)	51
Набросок (Надо мной гроза гремела)	23
Надежды трепетной моей	42
Надо мной гроза гремела (Набросок)	23
Накануне Иванова дня	47
Нам довелось еще подняться	118
На поле Куликовом (Я живу в отдаленном скиту)	142
Напомнив призраки былого (Две души)	46
Народилась волна	60
На склоне горы	122
Нас старость грустная настигнет без труда	87
Настал желанный час	51
На юге Франции далекой	79
Не знаю тебя — и не встречу	104
Неизмеримость гасит луны	124
Непонятною тоскою (Отрывок)	43
Не презирай воспоминаний	63
Не презирайте, бога ради	29
Не часто, не всегда, с мольбой и чутким страхом	84
Нисходит сумрак ночи бледной	72
Ночи стали тоскливее	113
Ночной туман застал меня в дороге (Воспоминание)	33
Ночь все темней и благовонней	29
Ночь на землю сошла	5
Ночь сменила день труда	128
Ночью пыльной легла	129
Облака невозможного счастья	108
О дева, иду за тобой (Деве Революции)	132
Одиноко бойрини подъехал к воде	48
Одиноко плыла по лазури луна (Дума)	16

	Стр.
Один среди вас	121
Она была — заря Востока	94
О, наконец!	66
Она прекрасна, — нет сомненья	53
О, не смотри в глаза мои с укором	70
О, не тебя люблю так пылко, так глубоко	74
Они идут туманные	101
Он шел на отдых	75
Опять я еду чистым полем (Еще воспоминание)	46
Осенняя элегия (Как мимолетна тень осенних ранних дней)	70
Осень, утро дней высоких	130
Отвека люди служат богу (Погоня за счастьем)	62
Отзвучала гармония дня	82
Отрывок (Непонятною тоскою)	43
Отчего я задумчив хожу	56
Офелия в цветах, в причудливом уборе	24
Памяти А. А. Фета (Шепчутся тихие волны)	27
Передо мной — моя дорога	106
Песенка Дездемоны (В тени сикоморы душа)	143
Песенка для Герардо (Карнавал, вертлявый бес)	141
Песенка (Что, красавица, довольно ты царила)	25
Печальная блеклая роза	13
Писать ли вам, что тайный пламень	26
Плоды неизведанной страсти	57
Поверь, — и я, далекий света	84
Погоня за счастьем (Отвека люди служат богу)	62
Подражание Вал. Брюсову (Ты простерла белые руки)	109
Подумай о подземном шуме	113
Поздно. В окошко закрытое	97
Пока спокойною стопою	66
Полон визга веретен	127
Помните день безотрадный и серый	37
Помню далекое светлое лето	64
Помню я твои стоны над морем	110
Порою мне любовь сулит	37
Посвящение (Встали надежды пророка)	88
По темному саду брожу я в тоске	13
По узким площадям ловил я тень девицы	103
Поэма (Старый розовый куст)	9
Поэт, тебе ли покарать	31
Поэту (Я встретил вновь тебя, поэт)	44
Права русского историю	83
Правдивы вы	137

	Стр.
Природы вечера могучей	53
Прислушайся к земле в родных полях (Смерть)	78
Пророк земли — венец творенья	76
Проходил я холодной равниной	111
Проходишь ты в другие дали	94
Проходят сны и женственные тени	96
Прощай. В последний раз жестоко	72
Прощайте. Дайте руку вашу (Этюд)	8
Прощались мы в аллея дальней	50
Прощаясь с днем, последний луч заката	26
Пусть и над городом встанет	132
Разбунуются бури, прольются дожди	115
Разлучаясь с девою милой (Этюды песен Офелии)	32
Распаленная зноем польская почь	42
Река несла по ветру льдины	30
Рожь вокруг волновалась	6
Роза и соловей (Блеклая роза печально дышала)	14
Розы в лазури (Видение)	86
Русский бред (Зачинайся, русский бред)	140
Свободны дали	130
Сегодня образ твой чудесен	104
Скажи мне, Лилия	15
Скиталец задремал в пути	113
Сладко найти нам звезду	103
Смерть (Прислушайся к земле в родных полях)	78
Снега были вечером синие	108
София (В Дельфийском храме новый бог)	77
Сплетались времена, сплетались страны	97
Sprudel (В твоей струе погиб обильный)	120
Старый розовый куст, колючий, пыльный, без листьев (Поэма)	9
Стоит ли вечно томиться	39
Страшно: мы шли одинокой тропой	17
Строгие лики святых	117
Счастливая пора, дни юности мятежной!	35
Табор шел. Вверху сверкали звезды	19
Так жили поэты	119
Так печальна была стена	130
Там, где зрими какие-то села	120
Тебе, поэт, в вечерней тишине (Е. А. Баратынскому)	79
Темна и сумрачна была	54
Тень бледная легла на вычурный гранит	111
Тогда мы вместе были, помню я	35
Туманы кроют берег отдаленный	91

	Стр.
Ты, вечно юная!	65
Ты всегда и всюду странно	7
Ты, Дельвиг, говоришь — минута вдохновенье (Дельвигу)	34
Ты дышишь жизнью! О, как я к тебе влеком	12
Ты знаешь ли тайну свободы	112
Ты отличишь ее на пире (Мэри)	51
Ты просишь ответа на страшный вопрос	60
Ты простерла белые руки (Подражание Вал. Брюсову)	109
Ты с вершин печальных гор	132
Ты хочешь знать мировоззренье	31
Ты хочешь царствовать поньше	39
Тянет ветром от залива	93
Умерла она в сочные годы	114
У окна не ветер бродит	95
Усни, пока для повои жизни	38
Успокоительны и чудны	92
Усталым душам вдруг сдается	71
Устал я. Смерть близка	67
Утро брежит. День грозит несашьем	74
Ходит месяц по волне	88
Хожу по камню старых плит	75
Хрустальный твой бокал — и буря	136
Час вечерний наступал	120
Часто в мысли гармония спит	81
Через песчаные пустыни	85
Что будет в сердце, в мыслях и в уме	20
Чтобы желать еще безмерней	108
Что было год назад? все то же	69
Что все это будет потом	128
Что из того, что на груди портрет	23
Что, красавица, довольно ты царица (Песенка)	25
Шепчутся тихие волны (Памяти А. А. Фета)	27
Шум смерти (Я вошел туда)	140
Эскиз (Глаза младенчески открыты)	34
Эту скорбную осень, подруга, забудь	122
Этюд (Прощайте. Дайте руку вашу)	8
Этюды песен Офелии (Разлучаясь с девою милою)	32
Я брошусь в черный день со скал	94
Я был влюблен	139
Я вошел туда... (Шум смерти)	140
Я встану здесь	114
Я встретил вновь тебя, поэт (Поэту)	44
Я говорил при вас с тоской	57
Я долго странствовал по свету (Идеал и Сирнус)	18

	Стр.
Я ждал под окнами в тени	107
Я живу в одинокой сторожке	129
Я живу в отдаленном скиту (На поле Куликовом)	142
Я живу в пустыне	116
Я зол и слаб	45
Я и без веры живой	22
Я ликовал у края бездны	108
Я не сойду в этот день	112
Я никогда не понимал	80
Я опять на подмостках	59
Я помню вечер. Шли мы разно	41
Я помню тихий мрак и холод с высоты	102
Я понял смысл твоей печали	81
Я прихожу к тебе не дважды	136
Ярким солнцем, синей далью	73
Я — свободный глашатай веков (Голоса)	105

О Г Л А В Л Е Н И Е .

	СТР.
I. Стихотворения 1897—1919 гг.	
1897 год	5
1898 »	6
1899 »	28
1900 »	69
1901 »	80
1902 »	91
1903 »	115
1904 »	125
1905 »	128
1906 »	132
1907 »	135
1909 »	136
1911 »	137
1917 »	138
1918 »	139
1919 »	141
II. Приложение: Пометки Ал. Блока в тетрадях стихов .	147
III. Примечания	161
IV. Алфавитный указатель	167

